

КУКЛА

Александр ВАРГО

ОГРАНИЧЕНИЯ: не рекомендуется читать детям до 18 лет, лицам с заболеваниями зрения и нервной системы, а также чрезмерно впечатлительным и мнительным гражданам.

МУСТ. Черная книга 18+

Александр Варго

Кукла

«ЭКСМО»

2009

Варго А.

Кукла / А. Варго — «Эксмо», 2009 — (MYST. Черная книга 18+)

На околице глухого, заброшенного селения есть древняя шахта, в которой, по преданьям, дремлет могущественная потусторонняя сила. В деревне всего один жилой дом, и в нем влачат полунищее существование старуха с внучкой. Внезапно девочка умирает под колесами случайного автомобиля. У старухи помутился разум, и она спускается в шахту с любимой внучкиной куклой. Там, в темном сыром подземелье, в игрушку вселяется сила, призванная отомстить водителю-убийце и всей его семье. И Кукла, словно бы случайно, объявляется в доме мужчины, который был за рулем в тот роковой день...

© Варго А., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Варго

Кукла

Часть 1

Гюльчатай, открой личико!
Петруха. «Белое солнце пустыни»

Abyssus abyssum vocat.¹

Homo errans fera errante pejor.²

Грузный, широкоплечий мужчина неторопливо вылез из-за стола и поймал вопросительный взгляд дочери. Она явно беспокоилась, гадая, понравилась ли ему приготовленная ею стряпня.

– Обед был вкусный, – похвалил мужчину, и дочь робко улыбнулась. Несмотря на то что лицо ее было плотно замотано черным платком, он *видел*, что она улыбнулась. За то время, пока она носила платок, он быстро научился определять настроение Инги по глазам. Иначе и быть не могло, справедливо полагал он, ведь она его дочь.

– Схожу за водой, – сказал он, и Инга согласно кивнула, давая понять, что это было бы в самый раз. Однако в какой-то момент ее некогда гладкий и нежный лоб, теперь испещренный бугристыми пятнами, прорезала тревожная морщинка.

Он взял ведра и вышел из дома, с грустью думая про себя, что влачить такое существование он больше не в силах. И ладно он, ему все равно ничего не светит. Ингу жаль, жаль до того, что иногда хочется выть от бессилия и вцепиться кому-нибудь в глотку, чтобы выпустить из себя накопившуюся боль и горечь. Но и выхода из сложившейся ситуации он не видел. Ладно, пытался он успокоить себя, по крайней мере все невзгоды уже позади, и он обязательно что-нибудь придумает.

Неслышно ступая задубевшими ступнями по земле (ни он, ни Инга не носили обуви – в лесу в ней не было необходимости, а зимой им хватало одной пары старых валенок), мужчина направился к ручью. Невзирая на внешнюю неуклюжесть и кряжистость, двигался он достаточно проворно и легко. Солнечные лучи еще пробивались сквозь кроны могучих деревьев, но вокруг уже сгушалась духота, воздух становился терпким и сухим, как вата, и мужчина знал, что скоро начнется дождь. Нужно будет сказать Инге, чтобы убрала белье со двора...

Он взошел на пологий холм, обогнул знакомый громадный валун, покрытый темно-зеленым мхом, на котором что-то старательно выискивала белка, и впереди блеснул ручей. Он был узким, но вполне глубоким, для того чтобы разом набрать целое ведро. Мужчина встал на колени, решив сначала сполоснуть лицо и выпить воды. Прозрачная и чистая как хрусталь, она была до того холодной, что у него моментально заныли зубы, но в этом было что-то приятное. Ощущение свободы, что ли. Пофыркивая и крякая, он умыл лицо, после чего опустил руки в воду, зачерпнул воды и замер.

Медведь. Громадный, старый монстр с грязной клочковатой шерстью, он неподвижно застыл по другую сторону ручья, пытливо наблюдая за мужчиной своими крохотными злобными глазками. Мужчина узнал его. Старый знакомый. Год назад или чуть больше он чуть не

¹ Бездна призывает бездну (*лат.*).

² Бродячий человек страшнее бродячего зверя (*лат.*).

убил зверя, всадив в него два заряда картечи, а тому хоть бы хны. Тогда с ним было две собаки, и, пока ослепленный болью и яростью медведь рвал на куски самоотверженно бросившихся на него псов, он ушел, проклиная себя за промах.

Теперь медведь вернулся, и мужчине казалось, что он видит на морде пожилого, но все еще очень опасного зверя зловещую ухмылку.

«Я все помню, Человек, – говорили его поблескивающие глаза. – И, будь покоен, ты вспомнишь каждый свой выстрел, сделанный тобой год назад...»

Мужчина даже не пытался бежать – несмотря на солидный возраст медведя, он знал, что животное догонит его в два счета и убьет, прежде чем тот успеет крикнуть. Но он также знал, что медведи пасуют перед теми, кто выше их. Конечно, можно было бы попробовать вытянуться во весь рост, подняв над головой ведро, хотя где-то в глубине души он слабо верил в это, – медведь был опытным бойцом, да и выглядел так, будто видел насквозь его, Человека, в том числе и хаотично снующие мысли в его черепе, и номер с ведром тут явно не пройдет. Впрочем, другого выбора не было, решать нужно было немедленно, так как медведь начал движение. Из глотки послышалось утробное ворчание, звук был словно из преисподней. Мужчина стал медленно подниматься на ноги. Медведь неторопливо ступил в ручей, начинающая облезать шерсть моментально потемнела от воды, глаза зверя неотрывно сверлили мужчину. И в тот момент, когда мужчина уже мысленно прощался с жизнью, медведь внезапно застыл как вкопанный. Фыркнул, недоуменно повертел огромной как котел головой, будто пытался согнать с себя насекомых. Страх мужчины сменился удивлением. Между тем животное проворно выбралось назад, энергично встряхнулось и, бросив встревоженный взгляд в сторону ручья, поспешно засеменяло прочь. Из груди мужчины вырвался вздох облегчения. Он не мог поверить своим глазам, пытаясь понять, что же могло напугать зверя.

«Набирай воды и иди домой, – приказал он себе. – Какая разница, что его испугало...»

И все равно какое-то время он не сводил глаз с кустов, где скрылся медведь, пока окончательно не убедился, что опасность миновала. Он наполнил одно ведро, за ним второе, пока вдруг не понял, что что-то вокруг изменилось. Ослепляющая тишина. Все вдруг замерло, птицы перестали щебетать, на ветвях ни единый листик не дрожал, казалось, даже ручей перестал журчать. Холодный пот неожиданно пробрал мужчину. Он посмотрел на ручей. Внимание его привлек странный предмет, плывший вниз по течению прямо посередине. Издалека его можно было принять за корягу, но отчего-то мужчине подумалось, что никакая это не коряга. Через мгновение, когда предмет был уже совсем рядом, он вдруг отшатнулся, словно увидел перед собой ядовитую змею. Не удержавшись, он приземлился на ягодицы, босые ноги заскользили по влажной земле, локтем он сбил одно ведро, оно свалилось прямо в ручей. Предмет медленно плыл по течению и неожиданно остановился напротив ошеломленного мужчины, как если бы наткнулся на невидимую преграду. Ручей нес мелкие листья, а предмет, вопреки всем законам физики, продолжал оставаться на одном месте, как гротескный кораблик, бросивший якорь.

Мужчина закричал. Теперь он узнал предмет. Теперь он понял, чего так испугался старый медведь.

И когда Она вдруг плавно повернулась по часовой стрелке, описав полный круг, и стала медленно подниматься, он закричал еще громче. Капли воды как слезы срывались с Нее, сверкая бриллиантами в полуденном солнце, и падали обратно в ручей, который как ни в чем не бывало продолжал нести воды, как и нес не один десяток лет, будто бы и не подозревая, какую страшную вещь он принес на этот раз.

Ему показалось, что он сидит на берегу миллион лет, хотя на самом деле прошло не больше минуты. В ушах звенело, в глотке стало сухо как в пустыне, глаза, не мигая, смотрели на предмет, который как ни в чем не бывало, плавно покачивался в ручье. Травинки и мел-

кие веточки, которые плыли по течению, торопливо и будто даже испуганно огибали странный предмет, а он все смотрел и смотрел. Он не заметил потерю одного ведра, которое тоже медленно уносило течение (ведро? какая ерунда!), пытаясь привести в порядок мысли.

Как это случилось? Неужели опять? Может, это сон, и сейчас он проснется, пусть с диким воплем, скатившись с кровати, но одновременно испытывая ни с чем не сравнимое облегчение, что увиденное им – всего лишь ночной кошмар? Он же прекрасно помнил, что уничтожил эту штуку!

«Инга, – пронзила его мозг мысль. – Все, что угодно, только не Инга».

– Неужели все сначала? – он с трудом разлепил побелевшие губы. – Нет!

Он поднялся на ноги, колени предательски подгибались, будто он прошел не один десяток километров без отдыха.

– НЕТ!!! – хрипло крикнул он, в бессильной ярости сжимая кулаки. Она безмолвно плавала на поверхности, всем своим видом выражая ленивое безразличие. Она будто говорила:

«Мне плевать на твои вопли, глупец. Я ЕСТЬ. Так что тебе придется принять это как факт, как данность. А твои эмоции меня не интересуют».

Едва осознавая что он делает, мужчина вошел в ручей, намочив истрепавшиеся штаны. Все его естество противилось этому, но он не мог ничего с собой поделать – словно загипнотизированный, он протянул дрожащую руку с узловатыми пальцами и осторожно взял Ее в руки. В ту же секунду с ним произошла кардинальная перемена – по всему телу пошло волнующее тепло, сухость в горле куда-то исчезла, улетучился и непереносимый звон в ушах. Он с удивлением смотрел на невзрачный предмет, недоумевая, что же его могло так напугать. Одновременно с этим возобновились все знакомые ему звуки – лес как будто ожил, стряхнув с себя дремоту, и воздух наполнился переливчатым пением птиц, шелестом листвы, ручей успокаивающе журчал, и все было замечательно.

Он повертел предмет в руках, поскреб затылок и вышел на берег. Сердце уже не стучало как попавшийся в капкан зверек, в душе царило спокойствие и умиротворение.

К тому времени, когда он подходил к дому, начался дождь. Инги дома не оказалось, но он не очень удивился – она часто уходила в лес и подолгу бродила в одиночестве.

Предмет, который он держал в руке, был небрежно швырнут в угол. Если бы перед ним было зеркало, то он увидел бы, что в его волосах, не знающих расчески, добавилось седых прядей.

* * *

Инга ушла из дома сразу в тот момент, как ее отец наткнулся на странный предмет в ручье. Она ощутила легкий, но болезненный укольчик где-то под сердцем, и шумно выдохнула. Давно забытое ощущение, о котором остались далекие, покрытые пылью обрывочные воспоминания, в большинстве своем не совсем приятные (некоторые не просто неприятные, а кошмарные), и девушка вздрогнула. Разум отказывался принимать, что то, что БЫЛО, еще живет в ее памяти, но от этого никуда не деться. Память о происшедшем была равносильна старой, подслеповатой рептилии, которая сонно заворочалась где-то глубоко внутри, обнажая стершиеся, но все еще острые зубы. Этот укол разбудил дремлющую тварь, и девушка опрометью выскочила наружу.

Ее не смутили ни надвигающиеся тучи, ни приближающийся вечер, она просто бежала, почти летела, едва касаясь земли своими загорелыми маленькими ступнями. Слезы скапливались в уголках глаз, оставляя блестящие дорожки на висках. Она бежала, даже не зная толком, куда направляется. И это пугало ее. Пугало, потому что она чувствовала, что тело не очень-то и повинуется командам ее мозга.

Кто-то управлял ею.

Через двадцать минут она шла обратно, за ней брели четверо заблудившихся мальчишек, испуганных и продрогших. Инга шла прямо, привыкшие ко всему ноги равнодушно ступали по острым камням и обломкам веток, она шла, чувствуя, что они послушно идут за нею, негромко переговариваясь. Она была нема, но слух у нее был превосходный. Вон тот, крепкий и невысокий с выпирающим животом, предположил, что она беженка из Абхазии. Ему возразил юноша с поврежденной ногой, сказав, что у нее европейский разрез глаз. Она горько усмехнулась про себя. Грузия, Абхазия... какая разница?

Она шла и раздумывала о чувстве, какое испытала, увидев этих молодых людей. Она не помнила, когда в последний раз видела кого-то, кроме своего отца. Зато в памяти крепко отпечаталось, как у нее заколотилось сердце, когда она смотрела на них.

Она шла и чувствовала, что сердцебиение усилилось. Ей стало жарко, дыхание стало учащенным, она с силой сжала свои крошечные, детские кулачки, острые ногти прорвали кожу, оставив по четыре кровавых полумесяца на каждой ладошке. Низ живота сладко заныл, соски набухли и стали твердыми, как пули. Девушку передернуло – что с ней? Кровь прилила к лицу, она усиленно пыталась отбиться от назойливых, не слишком скромных мыслей, но ответ напрашивался сам собой: она была возбуждена. В самом низу вдруг стало влажно, и с губ девушки сорвался едва слышный стон, больше похожий на мычание какого-то животного.

К счастью, никто из ребят его не слышал. Зато почти все обратили внимание, что походка их проводницы стала плавной и грациозной, она словно не шла, а парила по воздуху, а взгляды, которые она периодически бросала на молодых людей, становились все более странными. С этого момента ее сознание утонуло в темной, вязкой пелене безмолвия.

* * *

Она вынырнула на поверхность реальности, и первое, что ей бросилось в глаза, была кровь на одеяле. За исключением платка, закрывающего ее лицо, она была абсолютно голой (она не сняла его, несмотря на настойчивые уговоры того нескладного высокого парня).

Немного крови было на внутренней стороне бедра. Ее крови. Печать сорвана со священного сосуда, сорвана грубо, неумело, но факт остается фактом – сегодня она лишилась девственности. Похоже, этот юноша с субтильной фигурой даже не осознал, что он наделал.

Вместе с тем приходило протрезвление – медленное, мучительное, выворачивающее наизнанку все внутренности. Ей хотелось кричать. Она была ненавистна сама себе. Инга осознала, что означали те ощущения, когда она убежала в лес, где и нашла этих промокших, насмерть перепуганных мальчишек.

Она вернулась. Она рядом. Инга всегда подозревала, что Она бессмертна. Инга сразу не поверила, когда отец сказал, что с Ней покончено, и скоро у них начнется новая жизнь, только нужно немного прийти в себя.

Похоже, отец знает, что Она здесь. Но неужели Инга настолько провинилась перед Ней, что Она решила таким образом наказать ее, уже всеми проклятую, лишением целомудрия?! Отнять у нее то единственное, что осталось в этой никчемной жизни?

Ладно, это все лирика. Мозг девушки лихорадочно заработал. Теперь нужно найти выход из ситуации, она (точнее, Она через тело Инги) сама дала первый оборот страшному маховику, и теперь от нее зависело, сможет ли она его остановить, пока дело не зашло слишком далеко. На отца она не рассчитывала.

В комнату вошел следующий парень, на лице блуждала плотоядная ухмылка, и Инга замычала от ужаса.

* * *

Мужчина рубил дрова, не переставая ни на секунду. Сердце колотилось так сильно, что вот-вот выскочит через глотку и повиснет на мокрых от крови артериях, на мозолистых, темных ладонях появились трещины, сквозь которые выступил гной, пот заливал окаменевшее лицо, а он все рубил и рубил. Крошечный сарай был уже по колено завален расколотыми дровами, но он как с цепи сорвался. И когда он ставил очередное полено, его взгляд фокусировался не на нем, а на темнеющем в углу предмете. Плохое освещение не позволяло хорошо разглядеть его, но он прекрасно знал, что это такое.

Два глаза-льдинки с бесстрастным любопытством наблюдали, как он, изнемогая от усталости, колот дрова.

Его снова стала одолевать смутная тревога, она укутывала его как густой едкий туман, пробираясь своими холодными пальцами к горлу. Полено вдруг раздвоилось, приняв расплывчатые очертания, и он не сразу понял, что из глаз текут слезы.

– Ты была там! – безмерно уставшим голосом проговорил он, вытирая глаза. Он начал задыхаться, кружилась голова. – Какого черта, я бросил тебя НЕ здесь! Как ты очутилась тут, стерва?!

Глаза-льдинки таинственно блестели в темноте, как два крохотных бриллиантика на дне бархатной коробочки.

Хрясь! Хрясь!

Преданный раб и безмолвный страж, одно целое.

Отлетевшая щепка задела бровь мужчины, оставив узкую царапину.

Очередное полено, пятидесятое, сотое по счету, не важно. Пальцы уже не слушались, топор валился из рук, выгоревшая дырявая рубашка намочила так, что ее впору выжимать, но он продолжал исступленно рубить.

Хрясь!

В доме что-то происходило. Что-то не совсем хорошее, он понимал это. Собственно, он знал, что ЧТО-ТО должно произойти с того момента, как только Инга привела этих молокососов. Он хотел броситься в дом, что-то прочно держало его здесь, в этом тесном сарае, заставляя до изнеможения рубить эти проклятые дрова.

Тихая, ослепляющая ярость медленно поднималась вверх, словно кипящее варево, требуя выхода. Топор мелькал в руках, глаза неотрывно глядели на Нее. Может, еще не все потеряно? Ведь не может быть, чтобы Ее ничего не брало?!

«Может», – прошептал внутренний голос, но он отмахнулся от него, как от зудевшего над ухом комара. Огромным усилием воли он заставил себя шагнуть в сторону. Туда, к мерцающим во мраке глазам-льдинкам. Еще один шаг. Глаза из темноты ухмылялись, предрекая несчастье. Где-то глухо звякнуло, что-то вроде колокольчика.

«Остановись!» – завопил голос в голове, и он заскрежетал зубами – боль в висках была невыносимой. Не обращай внимания, это все ерунда. Как те щепки, которые устилали пол сарая, жалкие и бесполезные. Еще один шаг. Пальцы с такой силой сжали топорнице, что стали белыми.

Он занес топор, молясь про себя. Один удар – и все кончено.

Лезвие рассекло спертый воздух, описало кривую дугу, благополучно миновав прислоненный к стене сарая предмет, после чего с хрустом вгрызлось в его левую ступню. Он не кричал. Боли, в общем-то, и не было. А должна быть, ведь он только что топором отсек себе два пальца. Пузырься, из раны стала выплескиваться кровь, впитываясь в земляной пол.

– Ты довольна? – прошептал сухими губами он. Дыхание с хрипом вырывалось из легких, округлившись глаза неотрывно смотрели на отрубленный кусок ступни с двумя пальцами.

После ампутации они шевельнулись, словно сожалея, что их разъединяют с телом, пусть не таким новым и сильным, каким хотелось бы, но они принадлежали этому телу, они были его неотъемлемой частью.

– Ну? – прошептал он, подняв глаза. Тихо. Глаза-льдинки потухли, и сейчас он видел только очертания предмета. Будто там ничего и не было, просто какой-то полусгнивший чурбак, от которого исходил тихий тоскливый звон.

– Убей меня, – произнес мужчина с нарастающей ненавистью. – Что же ты медлишь, тварь?!

Наконец пришла боль в ноге, но ослепленный яростью мужчина не обратил на нее внимания.

– Если с Ингой... с Ингой что-то случится, – хрипло сказал он, поднимая топор. С лезвия сорвалась капля крови, оставив на срезе разрубленного полена красную кляксу.

«Уже, старый идиот. Уже случилось, – прошелестел внутренний голос. – Или ты думал, что она с этой четверкой в крестики-нолики играет?»

В сознание прокралась мысль, что медлить нельзя, тем более Она больше не держала его. Мужчина дико закричал и, прихрамывая, заковылял из сарая, оставляя за собой ярко-красные следы.

* * *

Через пятнадцать минут все было кончено. В сыром, темном сарае догорала свеча. Однако когда она окончательно потухла, в темноте холодно замерцали глаза-льдинки. Она все еще была прислонена к стене, но это до поры до времени. Сейчас Она сыта, и пришло время вздремнуть.

Часть 2

...Нам нечего бояться, кроме самого страха.

Ф. Рузвельт

Санкт-Петербург, двенадцать лет спустя

Несмотря на усталость, Ирина пересилила желание залезть в горячую ванну и принялась разбирать чемоданы. Поездка в Италию была прекрасной, но дома, как она лишней раз убедилась, было лучше. Их дети Олеся с Андреем с восторгом носились по комнатам как угорелые, горланя песенку «Чипа и Дейла», Вадим, как только переступил через порог, сломя голову ринулся к запыхавшемуся компьютеру, и она поняла, что осталась одна с этими огромными баулами. Она расстегнула «молнию» на самом громадном чемодане и со вздохом начала выгружать вещи. Белье и полотенца она складывала в пластиковый тазик, чтобы потом постирать, косметику и ваннские причиндалы Вадима она выложила отдельно. Так, теперь пакеты с игрушками детей.

На пол посыпались солдатики, несколько ярко раскрашенных машинок, набор фломастеров. Из второго пакета она достала игрушки Олеси: несколько кукол, набор мозаики и пенал с цветными карандашами. Одна кукла привлекла внимание женщины, и она взяла ее в руки, озабоченно вертя в руках. Кукла была нелепой, с глупыми выцветшими глазами и грязноватыми волосами, простенькое платьице было словно изжеванным и в каких-то желтых пятнах. Ирина не могла припомнить, чтобы она или Вадим покупали дочери подобную дешевку. Да и никто другой ей не мог подарить такую ужасную неряху, их гости в основном люди состоятельные.

– Андрюша, Олеся! – позвала она детей. Может, Олеся обменялась куклами с кем-то из девочек на пляже?

– Что, мама? – в один голос спросили запыхавшиеся малыши, подбежав к матери. Увидев куклу, Олеся замерла на месте, как испуганный олененок.

– Олеся, откуда у тебя это? – Ирина указала притихшей дочке на куклу. Девочка заворуженно глядела на игрушку, затем молча вырвала ее из рук оторопевшей женщины и прижала к себе. От матери не ускользнуло, с каким жадным выражением лица она это проделала.

– Она моя, – сказала Олеся, и в голосе ее прозвучала воинственность, даже злость.

– Да на здоровье, – немного удивленно промолвила Ирина. – Просто я никогда не видела у тебя такой куклы.

– Потому что тебе неинтересно, как мы живем, – выпалила Олеся. – Вот ты ничего и не замечаешь!

Ирина плотно сжала губы, сдерживая себя от того, чтобы не накричать на дочь.

– Ты не права, Олеся, – ровно произнесла она. Помолчав немного и видя, что дочь не настроена продолжать разговор, она сухо сказала:

– Забирайте свои игрушки и отнесите их к себе в комнату.

Однако, к ее изумлению, Олеся, эта улыбка и послушная девочка, всегда беспрекословно подчиняющаяся родителям, с демонстративным видом пнула носочком тужельки пенал, после чего развернулась и невозмутимо зашагала к себе в комнату. Блеклую куклу она продолжала прижимать к своей тоненькой груди с каким-то истеричным остервенением.

Ошеломленная Ирина даже не нашлась что сказать. Андрей тем временем добросовестно собрал свои игрушки и неожиданно сказал, не глядя на мать:

– Какая-то она странная, эта кукла, ма. Я даже не помню, где Олеска ее взяла. Мне она не нравится, ма.

«Мне тоже», – хотела сказать женщина, но вовремя спохватилась. Поведение дочери ей не понравилось, но она решила не устраивать показательных сцен воспитания. В конце концов, долгая дорога, перелет – они все устали. Ирина подняла таз с бельем и пошла в ванную.

С этого дня в жизни этой семьи начались большие перемены.

Соединенные Штаты Америки, Калифорния, Лос-Анджелес, 2010 год, сентябрь

Еще стояло раннее утро, но песок уже достаточно прогрелся, чего нельзя было сказать о море. Вернее, океане. Вода в Тихом была еще достаточно прохладной, и Кристине позволялось пока лишь играть у берега и изредка (естественно, под неусыпным контролем родителей) заходить в воду по щиколотку. Но холодная вода – пустяки по сравнению с другим преимуществом – пляж был практически пуст, не считая пары серфингистов, которые с фанатичным упорством пытались оседлать очередную волну. Впрочем, очень скоро на океане воцарился полный штиль, и раздосадованные парни ушли, волоча за собой свои размалеванные яркими цветами доски.

Женя открыла бутылку с минеральной водой, сделала глоточек и протянула ее блаженно растянувшемуся на песке мужчине. Тот приоткрыл глаза и лениво покачал головой.

– Искупаемся? – предложила женщина, поднимаясь на ноги.

– Позже, – ответил мужчина, с нескрываемым удовольствием разглядывая супругу.

– Смотри за Кристи, – бросила напоследок женщина и пошла к воде. Он откровенно любовался ее точеной фигуркой. Прямые плечи, ровная спина, крепкие стройные ноги, восхитительный изгиб бедер заставляли мужчин оборачиваться ей вслед, и все в ней дышало такой яростной, всепоглощающей свежестью и молодостью, что он желал ее почти все время.

Видя, что мама заходит в воду, Кристина умильно захлопала ресницами и зашлепала вслед.

– Кристи! – строго крикнул мужчина. Девочка обернулась.

– Иди сюда, – позвал он. – Мама сейчас вернется, не ходи за ней.

Кристина обиженно вывернула нижнюю губу, что являлось ее козырной фишкой – он просто млел от этого. Тем не менее она зашагала к отцу, круглое личико было недовольным.

– На, смотри, что у меня есть для тебя.

С этими словами мужчина открыл небольшой переносной холодильник и выудил оттуда мороженое. Глаза девочки радостно вспыхнули, она потянулась к мороженому ручонками.

– Только не ешь большими кусками, – наставлял отец. – Что нужно сказать? А, Кристи?

– Пасибо, – быстро проговорила Кристина и, получив вожаденный рожок, тут же перемазала всю мордашку.

Он улыбался, глядя на дочь. Всего пять годков, но они с женой общаются с ней на равных. Хотя, может, это просто обычное родительское чувство – любой ребенок для своих родителей и самый смысленый, и самый умный, и самый талантливый...

Когда вернулась Женя, мороженое было уничтожено, и о его существовании напоминали лишь подсыхающие потеки на пухлых щечках Кристины. Собственно, рукам тоже досталось, и девочка старательно облизывала каждый пальчик.

– Когда у тебя еще будет выходной? – спросила Женя, выжимая волосы.

– Не знаю, – рассеянно ответил мужчина, разрыхляя руками теплый песок. – У нас все меняется в секунды. То срочное совещание, то еще какой-нибудь форс-мажор. И никто не гарантирует, что сейчас я кому-то срочно не понадоблюсь.

– Но ты же, надеюсь, не взял с собой телефон? – с надеждой спросила Женя и, поймав извиняющийся взгляд мужа, надула губки, ну точь-в-точь Кристина!

– Я когда-нибудь выкину эту проклятую трубку, – проворчала она. – Ни секунды покоя. Чувствую себя как на бочке с порохом, пока телефон при тебе.

– Ну ладно тебе. Иди сюда, Бука-Бяка.

– Мама Бяка, – подтвердила Кристина, с интересом следившая за разговором. – Бука-Пука.

– Вот-вот, сейчас научишь ребенка... Это наш папа Пука, – сказала Женя, присаживаясь рядом с мужем.

Внезапно из сложенных брюк донеслось слабое попискивание, которое постепенно становилось громче. Мужчина потянулся за телефоном, стараясь не смотреть в окаменевшее лицо супруги.

«Если бы все зависело от меня», – говорили его глаза. Он прислонил к уху телефон.

– Руслан Александрович? – послышался в трубке мужской голос.

– Я слушаю.

– Это Стив, менеджер.

– Да, я само внимание, Стив, – вздохнув, произнес мужчина. Пока он говорил, губы Жени становились все плотнее.

– Хорошо, – после некоторой паузы сказал Руслан. – О'кей, я буду через час.

– Только не говори мне, что ты действительно собираешься ехать на работу, – голос жены был приторно-сладким, что никак не вязалось с ее метавшими молнии глазами. – Черт подери, Руслан...

– Не ругайся при ребенке.

– Плевать! – воскликнула Женя, и Кристина, вопросительно посмотревшая на маму, фыркнула и плюнула, причем большая часть слюны повисла у нее на подбородке.

– Ну вот, видишь, какой ты пример подаешь Кристи, – с сожалением покачал головой Руслан, просовывая ногу в брючину.

– Выдался один выходной, и тот обломали, – продолжала неистовствовать Женя. – Они что там, с ума посходили?! Или они считают, что ты робот с вечной батареей?

Руслан сокрушенно кивал головой, всем видом давая понять, что полностью разделяет мнение жены, не переставая, однако, одеваться.

– Когда ты освободишься? – с обреченным видом спросила Женя, хотя давно знала, что на этот вопрос ответа не существовало. Он мог вернуться через час, а мог приехать под утро.

– Я позвоню, – Руслан поцеловал супругу, потрепал по головке Кристину и быстрым пружинистым шагом пошел по пляжу.

Женя вздохнула. Услышав смех дочери, она обернулась. То, что она увидела, навсегда запечатлелось в ее памяти, и на какое-то время она просто лишилась дара речи. Кристи, эта пятилетняя девочка, бросала на песок мячик. Затем она мягко сжимала кулачки, поднимая их на уровне груди, и... мячик послушно катился к ней, словно был привязан невидимой веревкой! Когда мяч оказывался у ног девочки, та заливалась счастливым смехом и бросала его вновь.

– Кристи? – наконец смогла выговорить Женя, и девочка хитро подмигнула матери. Мячик неподвижно лежал возле ее загорелой ножки.

«Неужели я действительно ЭТО видела?» – потрясенно подумала Женя.

Солнце было уже высоко, его жаркие огненные пальцы мягко, но настойчиво поглаживали город, раскаляя асфальт и крыши домов, и Руслан, усевшись в изумрудный «Понтиак», включил кондиционер. Повернул ключ зажигания, двигатель послушно заработал.

В 2002 году его отцу предложили повышение в Министерстве иностранных дел, и они перебрались в Санкт-Петербург. Не прошло и года, как отца неожиданно направили в командировку, в США. Причем вопрос стоял о переезде всей семьи. Руслан, поупрямившись для

виду (как же так, ведь до конца института оставалось всего лишь полтора года), согласился. На самом же деле его куда больше расстраивал тот факт, что в России остаются его друзья, а сколько придется жить в гостях у янки, никто не знал, отца об этом в известность не ставили. Надо – значит надо.

В Америке он блестяще закончил престижный университет плюс ко всему получил дополнительное образование в сфере банковской деятельности. Получив диплом, он устроился в небольшую компанию юристом.

Через три года на свет появилась Кристина, пушистый ангел с длинными ресницами и орущий во все горло. Когда встал вопрос о возвращении на историческую родину, Руслан неожиданно заявил, что ему и здесь хорошо. Женя, к тому времени уже получившая американское гражданство, тоже была не против.

Дела у него шли как никогда лучше – его назначили управляющим одного из крупнейших банков, а спустя еще пару лет он занял одну из руководящих должностей в международной ассоциации финансового мониторинга. Они с Женей приобрели чудесный домик в двух шагах от океана, в окружении высоких пальм, и очень любили свое гнездышко. Отец с матерью вышли на пенсию, и теперь уже Руслан позвал их к себе. Пока оформлялись визы и прочие необходимые документы, он приобрел для них уютный домик, который, правда, располагался отнюдь не рядом с их собственным.

Большие расстояния между родными только скрепляют чувства, любил повторять он.

Что касается друзей, то здесь их у Руслана почти не было. Деловые партнеры с дежурными улыбками и постоянным «How are you?»³ и ничего более. Но, как ни странно, его это абсолютно устраивало. Престижная, высокооплачиваемая работа, замечательная жена и маленькая Кристина, небесное создание, что еще нужно для того, чтобы, как говорил Абдула в легендарной киноленте «Белое солнце пустыни», встретить старость?

Время шло, и Руслан все реже и реже вспоминал Россию. Правда, поначалу он переписывался с Вадимом, но это продолжалось очень недолго, и Вадим неожиданно замолк, и их общение как-то само увяло. Трям-трям, очень приятно, до свидания, вы очень любезны.

И каково же было удивление Руслана, когда, прибыв в офис, он услышал о конференции, которую планируется проводить в России (и где бы вы думали? В старом милом Санкт-Петербурге!), и он единственный в их компании, кто удостоен такой почести. Руслан, в общем, подозревал, что причина его поездки достаточно прозаична – просто никому из верхушки их команды неохота тащиться в промозглую, равнодушную Россию. Но делать нечего, как говаривал его закадычный друг Клепа, «назвался клизмой – полезай в задницу». Единственный минус – ехать придется одному, в данном случае на его настойчивые просьбы взять с собой семью последовал вежливый, но твердый отказ. Что ж, и это понятно, экономия средств... Билеты в оба конца были уже куплены, вопрос с гостиницей тоже решен, осталось только собрать кое-какие вещи и вперед. Когда подняли тему гостиницы, Руслан вспомнил, что у его родителей осталась неплохая трешка с окнами прямо на Неву, и в настоящее время она сдавалась каким-то дальним родственникам матери за символическую плату. И если бы не эти родственники, он с большим удовольствием пожил бы в старой квартире, так как гостиницы не особенно жаловал.

К его облегчению, новость о предстоящей командировке в Россию Женя восприняла спокойно, даже с некоторой прохладцей. Зато в аэропорту дала волю чувствам и чуть не расплакалась, и это обстоятельство повергло Руслана в шок – его жена была далеко не из неженки и плакс. В конце концов, он что, на войну уезжает?!

Она отвернулась от мужа, но лишь затем, чтобы он не мог видеть ее заблестевшие от слез глаза. Нервно вытащила платок и, глядя куда-то в сторону, она спросила:

³ Как поживаете? (англ.)

– Ты будешь нам звонить?

– Конечно, лапуля, – нежно сказал Руслан, поднял на руки Кристину. Та хихикнула. Он крепко прижал дочь к себе, другой рукой обнял Женю, после чего опустил Кристи и, не обращившись, пошел в зал регистрации.

– Я люблю тебя, – прошептала Женя. Она уже собиралась уходить, как вдруг увидела, что Руслан поскользнулся и чуть не сшиб оградительную стойку. Однако он быстро сориентировался (даже галстук набок не съехал) и вот уже шел дальше. Будто и не оступился сейчас, но Женя вдруг затосковала с удвоенной силой.

Она не знала, в чем дело, но на душе было тяжело, будто внутрь затолкали огромные булыжники.

«Споткнулся на ровном месте, – резонировала у нее мысль. – Плохая примета...» Женя прекрасно понимала, что дело вовсе не в приметах (она была реалистом до кончиков ногтей и всегда насмеялась над астрологическими прогнозами, сонниками и прочей подобной чепухой), но почему-то сейчас предчувствие и в самом деле было не из лучших.

– Поехали домой, котенок? – грустно улыбнулась она. Кристина с готовностью ухватила за мамину руку:

– Домой. Папа потом приедет домой?

– Да, Кристи, папа потом.

Они пошли – молодая красивая женщина и крошечная девочка со смешными хвостиками.

* * *

Питер встретил их группу неласково. Северная столица и так в силу своего географического расположения нечасто радуется погодой своих жителей, а тут еще конец сентября. Свинцовые тучи тяжелым одеялом накрыли город, изредка, с небольшими перерывами моросил мелкий дождик, образуя на асфальте зеркальные овалы и круги.

Три дня пролетели незаметно, хоть и однообразно. К исходу третьего семинара Руслан, уже слегка одуревший от постоянного сидения, окончательно уверился в бесполезности своего нахождения здесь – обсуждаемые на конференции вопросы были обычными прописными истинами, не нуждавшимися в дополнительном освещении.

Чтобы как-то разбавить свое пребывание и побороть скуку, Руслан разыскал телефон Вадима, но линия была отключена. Собственно, он даже помнил его адрес, но из-за этих гребаных семинаров свободного времени оставалось совсем ничего.

На четвертый день, когда все занятия были окончены, он, наспех перекусив в «Ростиксе», решил заглянуть к себе на квартиру, тем более мать тоже просила провести ее родственников.

Они были дома. Юркий старичок, троюродный брат матери, и его жена, расплывшаяся тетка с ярко накрашенными ногтями, которой запросто можно было дать и сорок пять, и все семьдесят.

Руслан вежливо отказался от предложенного кофе теткой и смородиновой наливочки – старичком и, перебросившись ничего не значащими дежурными фразами, уже собирался покинуть квартиру, как вдруг раздался телефонный звонок. Руслан уже стоял практически в дверях, прощаясь со старичком, который раз в двадцатый просил передать привет его родителям и раз, наверное, в пятидесятый уламывал составить ему компанию и «хлопнуть хоть две капли».

– Руслан! – позвала его из комнаты женщина (из-за своего чрезмерного веса она даже не выходила из комнаты, и телефон был у нее под боком). – Кажется, это вас, – немного растерянно сказала она. Впрочем, Руслан был растерян не меньше – кто его мог искать в этой

квартире? Все, с кем он худо-бедно поддерживал отношения, были в курсе, что он давно живет в Штатах...

– Не разувайтесь, не разувайтесь, – суетливо протараторил старичок, видя, что он нагнулся, чтобы расшнуровать ботинки. Помедлив, Руслан прошел в комнату и взял трубку.

– Слушаю! – громко произнес он, все еще гадая, кто бы это мог быть.

В трубке что-то слабо похрустывало, такой звук получается от сминаемого пакетика с чипсами, и Руслан, решив, что тетка просто ошиблась, уже намеревался положить трубку, как с того конца провода донеслось до боли знакомое и вместе с тем ошеломляющее:

– Рус?!

Рус? Так его называли, если ему не изменяет память, еще в студенческие годы, и то лишь старые друзья-приятели. Клепа, Серый, Вадим... Череда смутных воспоминаний с невероятной скоростью пронеслась в мозгу, но даже спустя двенадцать с лишним лет Руслан узнал этот голос. Вадим! Чертов son of a bitch!⁴ Вот ведь совпадение!

– Вадик? – все еще не веря, что разговаривает со старым другом, которого не видел со студенческой скамьи, спросил Руслан.

– Он самый, – подтвердила трубка, после чего последовал приступ глубокого кашля, будто говоривший страдал бронхиальной астмой.

– Тебе крупно повезло, что застал меня здесь, – сказал Руслан, не зная, что еще следует говорить в таких случаях. Несомненно, нужно договориться о встрече, как-никак столько воды утекло!

Опережая его мысли, Вадим предложил пересечься. Руслан взглянул на часы:

– Знаешь что, давай не сегодня, старина. Завтра... скажем, часов в семь вечера, устроит?

– Угу, созвонимся, – отозвалось в трубке сквозь кашель.

– Я не мог тебе дозвониться.

– У меня нет те... (снова раздражающий кашель) ...фона, я сам тебе звякну. Только номер скажи.

– Вадик, у тебя все нормально? – с беспокойством спросил Руслан после того, как продиктовал ему номер своего мобильного. Уж очень не нравились ему эти болезненные, даже старческие, звуки, которые издавал его друг.

– Лучше всех... Рус, ты помнишь свой мальчишник?

– Мальчишник? – переспросил Руслан, напрягая память.

– Рука, посмотри на свою ладонь.

Ему вдруг стало жарко, и он вопреки совету старого друга не стал смотреть на свою левую ладонь. Потому что он и так знал, что там. Узенький, едва виднеющийся шрам.

– Что-то случилось? – спросил он у Вадика, стараясь ничем не выдать своего волнения.

– Ты не забыл клятву? – прошептал Вадим. – Тогда, двадцать лет назад? Ну? Ты же сам резал!

Руслана словно мешком по голове огрели. Ему сразу стало душно, и он расслабил узел галстука.

– Завтра я тебе позвоню... – прошелестел голос Вадима.

Руслан задумчиво повесил трубку, торопливо распрощался с родственниками и ушел.

* * *

Рулик повесился ночью, и Никто видел это. Видел, и не сделал ничего, чтобы предотвратить трагедию. Хотя, если вдуматься – трагедия ли? Никто всегда считал, что в этом отношении были правы древние, утверждая, что смерть – это освобождение. Душа на небо, черви жрут

⁴ Сукин сын (англ.).

стынувшие бранные останки, кости рассыпаются от времени, их сушит ветер, поливает дождь, выжигает солнце, от них остается пыль, шелуха, их разносит ветер – пуффф! И все, прах к праху, от телесной оболочки ничего не остается.

Рулик был неудачником (как, впрочем, и все остальные в этом заведении). Настоящего имени его никто не знал, да это и никого не интересовало. Истинные имена оставались за порогом этого дома, они слезали, как старая змеиная кожа. Как только Рулика принесли сюда впервые, напичканного лошадиными дозами каких-то нейролептиков, Никто сразу отметил, что ему здесь не выжить. Рулик что-то кричал про несправедливый суд, про какой-то аффект, временное помутнение рассудка, а ночью безудержно плакал, мешая спать другим и вызывая только раздражение. Слезы здесь были роскошью – естественная влага организма очень ценилась, и плачущий объект здесь не вызвал никаких чувств и эмоций. Позже Никто узнал, что Рулик изнасиловал собственную шестилетнюю дочь, после чего задушил и распилит тело, спрятав останки на балконе. Дело было зимой, девочку объявили в розыск, вечерами он, обнявшись с женой, плакал (как сейчас), а ночью, вероятно, выглядывал на балкон, мол, все ли там в порядке, не шевелятся ли в сумке обрубки? Поиски несчастной крохи продолжались вплоть до весенней капли, пока спортивная сумка с расчлененным телом не начала благоухать. На суде вмиг поседевшая жена, рыдая, прокляла его.

Рулик смастерил из пододеяльника петлю, грубую и неуклюжую, как и его собственная жизнь. Перед тем как надеть ее на шею, он поймал блестящий взгляд Никто.

– Ты... ты не спишь? – дрогнувшим голосом спросил он. Никто безмолвно смотрел на него, и Рулик хрипло хихикнул:

– Да, я забыл, ты у нас немой. Немой, глупый старик, что ты тут делаешь? Что вы все тут делаете? Не хочешь ли последовать за мной, а? Никто, так ведь тебя все зовут?

Во сне заворочался Груша – толстый рыхлый псих, вечно расковыривающий себе нос до кровавых соплей, отчего его речь была гундосой, как у хронически простуженного. Рулик бросил испуганный взгляд на постель Груши, но тот повернулся на другой бок и уже сладко храпел.

– Прощай, Никто, – тихо сказал он, забираясь на подоконник. – И простите меня.

Он закрепил другой конец импровизированной веревки на самой верхней части решетки и еще раз посмотрел на Никто. Лицо старика было словно гранит, только глубоко запавшие глаза поблескивали, как серебряные монетки. И Рулик понял, что никто его в этой жизни не простит. Готовясь к встрече с Иисусом, дружище. Он затянул петлю и прыгнул вниз, поджав ноги. Раздался хруст ломаемых шейных позвонков, и тело обмякло. Груша плямкал губами, выдувая слюнные пузыри, а Никто бесстрастно глядел на неподвижный силуэт у окна, неестественно раскоряченный. Лунный свет мягко засеребрил контуры безжизненного тела.

Утром он проснулся раньше всех и сделал зарядку. Он всегда делал ее, не изменяя своим привычкам – приседания, отжимания, подъем ног, наклоны тела... Санитары долгое время прикалывались над спятившим стариком, который с маниакальным упорством каждое утро занимался гимнастикой, но оставили его в покое – в конце концов, он представлял наименьшую опасность из здешнего контингента. Никто отжимался, и взгляд его то и дело наткался на скрюченные пальцы ног Рулика. Никто не обращал на него внимания. Он открыл учебник латыни. Он не мог объяснить самому себе, но его очень увлек этот язык, который, по его мнению, совершенно несправедливо нарекли «мертвым». Что вы знаете о мертвых, идиоты, хотелось ему спросить. У них можно многому поучиться, и Никто знал это.

Потом проснулся Груша и, конечно же, закричал, увидев труп. Тонким, пронзительным, как ментовский свисток, голосом.

Никто боялся только одного. Рулик выбрал неудачное место свести счета со своей ничемной жизнью – буквально в нескольких сантиметрах слева, под потемневшей от времени половицей, была спрятана чайная ложечка, величайшее богатство Никто. Он умудрился стя-

нуть ее пару месяцев назад, и с того момента раз в день, но обязательно находил хоть несколько минут, чтобы поточить черенок. Точилом выступал край старой чугунной батареи советских времен, и он с покорным лицом садился к окну, таким образом, чтобы его манипуляции с ложкой не были заметны. Меланхолично глядя в окно, он бережно, с неизъяснимой любовью водил черенком о холодную шероховатую поверхность, тайком пробуя огрубевшим пальцем остроту металла. И никто из персонала больницы не обращал внимание на смиренно сидевшего у окна дедушку. Один санитар даже выдвинул версию, что Никто просто дремлет, но это предположение хоть и вызвало ироничные улыбки, но не нашло поддержки у других санитаров, поскольку в качестве возражения было высказано напоминание о возрасте Никто.

Действительно, кому может причинить вред почти семидесятилетний старик? Но подобную лояльность людей в белых халатах нужно было заслужить, и Никто приложил к этому немало титанических усилий. Вот и сейчас он был вынужден принимать столь беспрецедентные меры конспирации, так как ему во что бы то ни стало нужно было покинуть эти «желтые» стены. Дремлет так дремлет, ему фиолетово, пусть думают что хотят. Но если бы врачи узнали истинные намерения этого вполне благопристойного с виду «дедушки», ответная реакция не заставила бы себя ждать, и в лучшем случае ему бы переломали все кости, а потом до самой смерти пичкали всякой дрянью.

Никто волновался напрасно. Тело Рулика бесцеремонно выволокли из комнаты как мешок, даже толком не осмотрев место суицида. И он торопился, потому что видел сон, а снам он истово верил. Всегда.

Он точил ложку и бесшумно шевелил губами. Скоро. Очень скоро.

* * *

Руслан ввалился в номер в дурном настроении. Слова Вадима насчет шрамов не выходили у него из головы. А ведь эти метки он собственноручно оставил еще Клепе и Серому!

Он без аппетита поел и сел на диван. По телу прошла легкая дрожь, теперь он вспомнил. Мрачный дом, странная девушка...

* * *

Мальчишник близился к завершению. Большинство ребят уже разошлись, и их осталось четверо – Руслан (виновник торжества), Дима, которого почему-то все, включая родителей, называли Клепой, Вадим и Серый. Примечательно, что Серого звали вовсе не Сергей, нет, развалившегося в траве спортивного телосложения парня звали Виктор, а кличка «Серый» приклеилась к нему из-за фамилии Серков. Три дня назад он вернулся из армии, оттрубив положенный срок, и, судя по внешнему виду, стадия отсрочки его долгожданной демобилизации явно затянулась – отекающее лицо с красными утомленными глазами, исцарапанные руки с черной каймой под ногтями, расквашенный где-то нос плюс мощный перегар говорили сами за себя. Настроение у него было препаршивейшим, что было вызвано не только похмельным синдромом – Серый был крайне недоволен контингентом компании, если быть точнее, отсутствием особ противоположного пола. И напрасно Вадим с Русланом убеждали его, что на то он и мальчишник, Серый только мрачно сопел, изредка прикладываясь к пиву.

– Надо было со всеми уходить, – раз, наверное, в десятый хмуро говорил Серый. – Скуотица тут с вами...

– А чего тогда не ушел? – миролюбиво спросил Клепа, лениво жуя травинку. Он лежал на пледе, заложив руки за голову, и жмурился, отчего напоминал сытого кота.

– Я к братану пришел, понял? Полтора года не видел Руса, и теперь хрен когда увижу, – огрызнулся Серый.

Руслан мысленно улыбнулся, решив про себя, что не очень-то и обиделся бы, если бы «братан» Серый не пришел бы на мальчишник.

– А чегой-то ты вообще жениться решил, а, Рус? – вдруг спросил Серый с таким видом, словно у всех людей, намеревающихся связать себя узами Гименея, не все в порядке с мозгами. – Это ж на всю жизнь канитель!

– Зачем вообще люди женятся? – рассеянно ответил Руслан, взглянув на часы. Ваграм уже должен был отвезти ребят в город и отзвониться.

– А, ну да, – закивал головой Серый, в глазах промелькнуло пренебрежение. – Семья там, ячейка общества, дети, типа, голозады.

– Это уж как воспитаешь, – ответил Руслан, и Вадим приснул. Серый, однако, не понял подтекста, сделал глоток из банки и хмыкнул:

– А если она тебе надоест? Что, на стороне трахаться будешь?

– Серый, прекрати, – поморщился Вадим. Это был высокий, но чрезвычайно худой, почти тощий молодой человек с усталыми глазами, прятавшимися за толстыми линзами очков. Он был неплохим товарищем, но, по мнению Руслана, уж слишком много проводил времени за компьютером, из-за чего бесповоротно «убил» свое зрение.

Руслан задрал голову. Небо постепенно заволакивало густыми тучами, в воздухе стояла влажная духота. Клепа проследил за его взглядом.

– Никак польет скоро, – сказал он, поднимаясь на ноги. – Пора идти, хотя и лень после такого обеда, – словно в подтверждение своей фразы Клепа с ухмылкой похлопал себя по намечающемуся брюшку. В противовес Вадиму он был невысокого роста, зато компенсировал этот недостаток шириной плеч. Эдакий мальчик-шкафчик, как его за глаза называли приятели. У него было круглое лицо, причем всегда румяное, будто он постоянно натирал себе щеки вафельным полотенцем.

Руслан тоже встал.

– Кто-нибудь помнит расписание автобуса? – спросил он. – До остановки идти минут двадцать.

– обойдемся без автобуса, – сказал Серый, и тон его исключал какие-либо компромиссы. – Я знаю короткую дорогу. Чем там мокнуть, сейчас быстренько домой долетим.

– Да? – недоверчиво спросил Клепа.

– Да! – резко сказал Серый. Его еще немного пошатывало от похмелья, но в целом он уже пришел в себя. Он отыскал взглядом раскрытую упаковку с пивом, выудил одну банку, сорвал крышку и жадно сделал пару глотков.

– Это вы, городские, привыкли к машинам и ресторанам, – не скрывая пренебрежения, проворчал он. – А я здесь пацаном бегал, каждый куст... ик! знаю, – закончил Серый. Вытер губы и обвел насупившихся друзей трезвеющим взглядом. – Ну, че умолкли, девчонки?

– Я бы пошел к остановке, – наконец сказал Руслан.

– Ссышь? Или не веришь, что я путь знаю? – прищурился Серый.

Руслан замешкался, из его уст чуть не вырвалось, как у Вيني-Пуха, когда тот был с Пятачком в гостях у Кролика, – «и то и другое». Во всяком случае, потрепанный вид Серого не внушал особого доверия, хотя внутренний голос пытался его успокоить, что он действительно вырос в этих краях и должен хорошо ориентироваться на местности.

Начался дождь, и это решило спор. Серый демонстративно развернулся и вразвалочку зашагал вниз по тропинке, Клепа поглубже нахлобучил на голову капюшон и засеменял следом.

Какое-то время они шли молча, потом Серый оглянулся и бросил:

– Вы как хотите, а я как в город придем, пойду Натку искать. Уже три дня здесь, а так и не дозвонился, едрить ее за ногу.

Клепа многозначительно хмыкнул, и это не ускользнуло от Серого. Он остановился и подозрительно уставился на друга:

- Че это ты хрюкать начал, а, Клепа?
- А ты с понтом не знаешь? – изобразил на лице удивление Клепа.
- Ну? – потребовал объяснений Серый, не двигаясь с места.

– Потом разберетесь, – вмешался Руслан. Ему не понравилась тема, поднятая Клепой, да еще в таком неподходящем месте, так как не понаслышке знал, что Натка, то бишь Наташа, одно время встречалась с Серым, но после того как тот укатил в армию исполнять свой гражданский долг перед родиной, быстренько подобрала себе альтернативу в виде какого-то водителя. И сейчас он меньше всего хотел, чтобы эту неприглядную правду Серый узнал в сложившейся ситуации.

Но Клепа, ничуть не смущаясь, выложил как на духу все, что знал, не замечая знаков, которые ему отчаянно делал Рус. Лицо Серого побагровело, став еще более непривлекательным. Он шагнул вперед, сжав кулаки.

- Повтори, – хрипло сказал он, и Клепа, с некоторой опаской шагнув назад, сказал:
- Серый, зачем мне врать? Да вон и Рус скажет.
- Гонишь! – тяжело задыхал Серый. Покрасневшие глаза налились злобой.
- Оно мне надо? – резонно возразил Клепа. – Рус, ну скажи ты ему!

– Да, – глухо произнес Руслан, стараясь не встречаться взглядом с Серым. Он понимал, что поступает не совсем хорошо, подтверждая столь пикантную и нелицеприятную новость своему другу детства, но раз уж сказано «а», следовало бы продолжить алфавит. Недосказанность только еще больше разъярит вспыльчивого дембеля, он это тоже хорошо понимал.

Казалось, целую минуту Серый сопел, как готовящийся к атаке бык, с ненавистью переводя взгляд с Клепы на Руса, после чего лицо его обмякло и он разбито проговорил:

- Сука... Найду – закопаю обоих.
- Конечно, закопаешь, – торопливо сказал Клепа, чувствуя, что опасность миновала. –

Пошли, Серый, а то скоро темнеть начнет.

Словно зомби, Серый развернулся и молча зашагал дальше.

– Доволен? – тихо, не скрывая неприязни спросил Рус. Клепа виновато моргнул. – На хрена ты его заводишь? Ты же видишь, он как бочка с порохом.

– Он рано или поздно узнал бы, – оправдывался Клепа, с трудом поспевая за другом. – И уж тогда точно бы закатил истерику, типа, почему мы ему не сказали, понимаешь?

- Зачем ты его вообще с собой потащил?
- Так все знали, что ты жениться собрался, – удивленно сказал Клепа. – Куда ж я его дену?
- Действительно, куда его девать, – пробормотал Рус. – Надеюсь, он не ошибся с дорогой. Вадим молча шагал рядом, плотно сжав губы.

Они шли уже минут двадцать, и Руслану только оставалось удивляться, каким образом Серый определяет, куда идти. Лес как лес, никаких отличительных признаков, все деревья выглядели как близнецы, но Серый уверенно шел вперед, периодически отхлебывая пиво. Он был мрачнее туч, которые полностью закрыли небо, не в силах отделаться от мысли, что Натка ему изменила. Ну ладно, пусть только он найдет ее, мигом сиськи на спине узлом завяжет. А заодно ее хахалю яйца оторвет и яичницу из них сварганит.

Клепа, видя, что волею случая явился косвенным виновником испортившегося настроения Серого, решил втянуть его в беседу:

- Серый, а у вас в армии дедовщина была?
- Парень какое-то время продолжал хранить упорное молчание, затем нехотя процедил:
- А то.
- Ну а поконкретнее? – не отставал Клепа, мелко семеня рядом с приятелем.
- Да много чего, – Серый наконец немного «оттаял». – Знаешь, как крокодила сушат? Клепа отрицательно покачал головой.

– Ставятся рядом две кровати, между ними салага ложится. Ну, он типа лежит только на руках и ногах, а туловище внизу болтается, – начал объяснять Серый Клепе.

Рус снисходительно улыбнулся. Он прекрасно понимал, что Клепе совершенно по барабану, что там было у Серого в армии, но тот не без успеха делал крайне заинтересованное лицо, словно ничего более захватывающего он в своей жизни не слышал.

– Как ты думаешь, он точно знает дорогу? Или просто выпендривается? – вполголоса спросил Вадим у Руса. Тот немного подумал и ответил:

– Не знаю. Хотелось бы верить, что знает, все-таки он рос тут. В любом случае, возвращаться уже поздно. Так что выбора нет.

– Завидую я вам, – улыбнулся Вадим. – В Египет махнете... Красота! Море, пляж, пирамиды...

– До пирамид пилить семь часов на автобусе, – машинально ответил Руслан. – Я узнавал. Но съездить все-таки надо – как-никак одно из чудес света.

– Ага, – согласился Вадим и вздохнул.

– Ты чего загрузил? – Руслан пихнул в плечо друга. – С Алинкой проблемы?

– Ммм, – что-то невнятно промывчал Вадим и неожиданно густо покраснел. Руслан знал, что Алина, миниатюрная, но эффектная и немного вульгарная брюнетка как-то незаметно вскружила Вадиму голову и вот уже почти год со снисходительным видом позволяла за собой ухаживать. Руслану было немного жаль друга – он заслуживал куда большего.

– Ну, рассказывай, – подтолкнул он друга.

– Да тут... это... – глядя куда-то в сторону, Вадим спросил как можно беззаботнее: – Помнишь, ты говорил, что у твоего отца куча знакомых врачей? Он ведь сам у тебя в больнице работал?

– Ну да, – подтвердил Руслан, не понимая, к чему ведет Вадим. При чем тут Алина и отцовская работа?

– Тут такое дело, – Вадим запнулся и смущенно взглянул на Руса:

– В общем, пару раз это... мы, короче, попробовали, и...

– Облом? – догадался Руслан.

– Ну да, – Вадим от напряжения даже вспотел – так тяжело ему давались слова на столь щекотливую тему. Более того, Руслан был первым, кому он отважился открыть свою сокровенную тайну.

– Может, ты зря паникуешь? Всего пару раз – это не показатель, – убедительно сказал Руслан. – Слишком перенервничал – это бывает.

– Да, но только как это объяснить ЕЙ? – с мукой в голосе сказал Вадим, вытирая мокрое от дождя лицо.

– А до этого у тебя... ну, был опыт? – как можно деликатней спросил Руслан.

– Да нет же, – нервно потер виски Вадим.

– Я поговорю с батей, – пообещал Руслан. – А ты все-таки сделай еще одну попытку. Музыка, бокал вина, интимный полумрак, ну, ты понял, все как в кино...

Они нагнали Серого с Клепой. Первый с увлечением рассказывал об очередной армейской «шутке» – спящему бойцу осторожно вкладывали в руку ложку, затем насыпали на лоб соль. После этого что есть дури лупили по лбу другой ложкой и моментально прятались. Ошалевший солдат подскакивал на кровати, потирая саднящий лоб (а от соли на месте удара моментально выскакивала гигантская шишка), после чего в недоумении смотрел на зажатую в кулаке ложку.

– Сидит, типа, зенки таращит на ложку, с понтом сам себе в лобешник врезал, – хихикал Серый. Глядя на него, с трудом верилось, что этот человек несколько минут назад получил известие, что его девушка спит с другим.

Вдруг он остановился и достал из внутреннего кармана куртки початую бутылку водки. Подмигнул Русу, отвинчивая крышку.

– Может, не сейчас? – недовольно спросил Рус, но Серый уже сделал длинный глоток.

– Заодно согреемся, – отдышавшись, сказал он, протягивая бутылку Клепе. Тот глотнул, передал Вадиму. Некоторое время тот молча глядел на водку, затем тоже сделал пару глотков, после чего долго кашлял. Рус пить не стал, он с нетерпением поглядывал на часы – еще немного, и начнет темнеть.

– Трахаться хочу, – объявил ни с того ни с сего Серый. Лицо его снова стало угрюмым. – Натка, падла...

– А правда, что вам в воду бром добавляли? – спросил Вадим. Серый вяло пожал плечами. Следующие минут десять они прошли в полном молчании. Дождь не утихал.

Наконец Руслан не вытерпел. Он догнал Серого:

– Слушай, ты точно не заблудился? Что-то наша прогулка затянулась.

Тот что-то буркнул невнятно, но от Руслана не ускользнуло, что лицо их «Сусанина» на мгновение стало растерянным.

– Ну? – Руслан затормошил Серого. – Говори!

– Немного заплутал, – признался Серый и икнул, обдав Руса перегаром. – Ниче, не ссыте, ща быстро выберемся.

– Ага, – не скрывая отвращения, произнес Руслан, размышляя, как поступить. На Серого он уже не полагался – тот едва держался на ногах, и Руслан подозревал, что последние полчаса он брел наугад.

– Серый, ты что, в натуре? Или прикальываешься? – криво улыбнулся Клепа, но в глазах его метался страх.

– Можно вернуться назад, к остановке, – предложил Вадим.

– Это минут сорок пешком, скоро темнеть начнет, – сказал Руслан.

– И что ты предлагаешь? – спросил Клепа.

– Ша! За мной, – заплетающимся языком проговорил Серый. Пошатываясь и спотыкаясь на каждом шагу, он направился куда-то влево. Остальные ребята после непродолжительной паузы последовали за ним. Вскоре перед ними возник здоровенный склон, и Серый, не останавливаясь, принялся карабкаться вверх. Троице ничего не оставалось, как лезть за ним. Из-под ботинок сыпалась влажная земля, чтобы не оступиться, приходилось хвататься руками за мелкие кустарники, из горла вырывалось натужное дыхание, но четверо парней упорно ползли вперед.

Наконец они оказались наверху. Как им показалось, дождь тут лил еще сильнее, вдобавок подул сильный ветер. Серый тупо всматривался куда-то в сторону, пьяно помаргивая помутневшими глазами. Ничего такого, что бы указывало на то, что они приближаются к цивилизации, не было, это видели все. Бесконечный лес и горы. А впереди, ко всему прочему, довольно крутой спуск, почти обрыв. Да еще сгущающиеся сумерки.

– А теперь куда? – стараясь перекрыть шум ветра, спросил Вадим, зябко ежась.

– Хрен его знает, – выдал Серый и, к всеобщему удивлению, сел на корточки с таким выражением, словно намеревался заняться медитацией, вот только коврик для сего действия куда-то запропастился.

– Э, ты чего?! – раздраженно крикнул Руслан. – Нашел время расслаживаться! Поднимайся!

Он схватил Серого за воротник, пытаясь поднять его на ноги, но тот стал яростно отбиваться. Затрещала материя.

– Скажите... скажите, вы правду про Натку сказали? – брызгая слюной, вопил он. – Я вас кастрирую, если это брехня!

– Прекрати истерику, – едва сдерживаясь, рявкнул Руслан. Ему все же удалось поднять на ноги Серого, но тот, как капризный ребенок, поджимал колени, заваливаясь куда-то вбок. Затем неожиданно вскочил на ноги и, поскользнувшись на мокрой земле, навалился на Руслана, и тот, не удержавшись, покатился вниз с обрыва. Клепа испуганно закричал.

– Ты что наделал, идиот? – закричал Клепа. Вадим со страхом вглядывался вниз, где виднелась распластавшаяся фигура Руслана. К ужасу мальчишек, она не двигалась.

– Я нечаянно, – пробормотал Серый, вытирая лоб. И добавил уже совсем нелепо:

– Я... больше не буду.

Вадим с Клепой начали медленно спускаться.

– Только был бы жив, черт возьми, – вполголоса произнес Вадим. Вскоре они очутились внизу, причем Клепа заметил, как неподалеку заколыхались кусты, словно там кто-то был. Он не придавал этому значения, сейчас главное – Руслан.

– Рус, – позвал дрожащим голосом Вадим, боязливо дотронувшись ладонью до лица друга. Руслан застонал и открыл глаза.

– Фуу, – выдохнули одновременно ребята. – Ты как? Цел?

– Не знаю, – выдавил Руслан, приподняв голову. – Нога болит. Отметим мальчишник, мать вашу.

– У тебя кровь на голове, – озабоченно проговорил Клепа.

Руслан дотронулся до раны и покачал головой:

– Царапина. А вот нога болит.

– Эй, ну что там? – послышался сверху голос Серого. Он в замешательстве топтался на самом краю обрыва, не решаясь спускаться.

– Можешь встать? – спросил Вадим, и Руслан, опершись на руки друзей, попытался приподняться на ноги, но тут же охнул, и лицо его исказила гримаса:

– Парни, не могу. В лодыжку будто крюк вогнали.

– Дай посмотреть, – приказал Вадим, деловито засучил брючину на ноге Руса и присвистнул.

– Эй, вы долго там? – не унимался Серый. Любопытство все же взяло вверх, и он, ежеминутно чертыхаясь, начал спуск.

– Что там? – спросил Руслан, хотя уже и сам видел – ниже щиколотки нога была распухшей, чуть ли не вдвое толще другой.

– Надеюсь, что это всего лишь вывих, – сказал Вадим. – Идти сможешь?

– Не знаю. Ползти – да, идти – вряд ли.

– И что теперь? – кусая губы, задал вопрос Клепа.

– Надо сделать носилки, – подумав, сказал Вадим. – Иначе мы его будем нести несколько дней.

– Из чего тут делать носилки? – уныло спросил Клепа. Его не покидало чувство, что рядом кто-то есть посторонний, который в данный момент наблюдает за ними, но сейчас он был так напуган, что не стал делиться своими мыслями с друзьями.

– Из веток. Сделаем шести, порвем рубашки, ими свяжем, – сказал Вадим.

– Не нужно таких геморроев, – возразил Руслан. – Достаточно одной палки... типа костыля. Который час?

– Восемь вечера, – сказал Вадим, бросив взгляд на свой «Маяк».

– Нужно поторапливаться, – сказал Руслан.

– Рус, прости меня, мудилу, – проблеял Серый, полусъехав-полускатившись с холма. – Я же не специально, ты же понимаешь.

– Проехали, – без каких-либо эмоций сказал Руслан. Неожиданно он обратил внимание на Клепу. Тот застыл как вкопанный, глаза неотрывно смотрели куда-то в сторону. Руслан

проследил за его взглядом и вздрогнул – метрах в десяти от них стояла фигура, замотанная во все черное. Судя по всему, женщина.

– Рус, ну прости меня, – продолжал ныть Серый. Трясущимися руками он извлек наружу недопитую бутылку водки и принялся совать слюнявое горлышко Руслану в рот:

– На, выпей... Будет лучше, по себе знаю.

Видя, что на него никто не обращает внимания, он поднял голову и тоже увидел женщину. Она медленно шла к ним. Черный балахон до самой земли, открывающий только узкую щелочку для глаз, да перепачканные землей пальцы ног.

– Во, – крикнул Серый, моргнув. – Бэтмэн, бля. Собственной персоной.

– Заткнись, – прикрикнул Руслан. Он не мог поверить своим глазам – откуда в такую мерзкую погоду, в глухом лесу женщина? Да еще так странно одета? Прямо как привидение какое-то! Может, у него галлюцинации? Впрочем, нет, глюков у всех четверых одновременно не бывает.

Между тем женщина подошла вплотную к ребятам. И хотя тело ее было плотно укутано бесформенной накидкой, Русу почему-то подумалось, что перед ними девушка, возможно, даже их сверстница.

– Э-э, – Вадим яростно потер переносицу и покраснел. – Добрый день.

Девушка молча кивнула.

– Вы здесь живете? – взял инициативу в свои руки Руслан. Снова кивок. Она шагнула вперед, присела на корточки и вопросительно посмотрела на ногу Руслана.

– Как вас зовут? – задал очередной вопрос Руслан, и девушка в черном посмотрела прямо ему в глаза. Затем медленно поднесла ладони к лицу, к тому месту, где у нее должен был находиться рот, и качнула головой. Жест был преисполнен грусти.

«Немая. Причем не так давно», – промелькнула у Руслана догадка, одновременно он поймал себя на мысли, что руки девушки, несмотря на царапины и грязные разводы, были красивыми и изящными.

– Офигеть, – снова подал голос Серый. Он немного протрезвел и теперь бесцеремонно разглядывал невесть откуда взявшуюся девушку. – Ты откуда, чувырла? Из Грузии, что ли?

– Помолчи, – толкнул его в бок Вадим. Он кашлянул и виновато посмотрел на девушку, словно брал на себя ответственность за грубость приятеля.

– Ты можешь ненадолго пустить нас к себе? – вмешался Клепа. – Мы заблудились.

Девушка выпрямилась и снова кивнула. Указала на ногу Руслана, после чего сделала в воздухе несколько движений, словно что-то забинтовывала.

– Долго идти-то? – недоверчиво спросил Серый. – Что-то я не помню здесь никаких домиков...

– Да ты вообще ничего уже не помнишь. Все мозги в спирте растворились, – бросил Рус, но Серый почему-то совсем не обиделся, а, наоборот, хохотнул, продемонстрировав пожелтевшие от никотина зубы:

– Точно говоришь, Рус. А на хрен они вообще нужны, мозги? Руки-ноги есть и хер чтоб стоял – вот и все. А мозги пусть останутся для ботаников и профессоров, у них все равно не стоит как надо.

– Серый! – зашипел на него Вадим, снова залившись краской, но девушка уже шла вперед. Оглянувшись, она поманила ребят. Это было сигналом к действию. На носилки уже не осталось времени, но тут Серый, чувствуя свою вину за случившееся, проявил настоящее благородство – наклонившись, он приказал, чтобы ребята помогли Руслану вскарабкаться ему на закорки. Так он и пошел, покачиваясь, отдуваясь, матерясь вполголоса, едва поспевая за странной девушкой.

Мужчина сидел за столом, когда они пришли. Он сидел так почти полчаса, сцепив перед собой пальцы в замок. Девушка бесшумно прошла в дом и, не глядя на отца, встала в дверях спальни. Серый, к тому времени совершенно обессиленный от ноши, чуть не упав, буквально ввалился внутрь и не особо церемонясь, скинул Руслана на грубо сколоченную табуретку.

– Уф... Ну ты и толстяк, Рус, – тяжело дыша, проговорил Серый. Он окинул плотоядным взглядом девушку, остановив взгляд на двух небольших выпуклостях, которые даже среди ее бесформенного одеяния выделялись выпуклыми островками.

– А почему бы тебе не снять свою вуаль? – ничтоже сумняшеся поинтересовался он.

– Она никогда не снимает платок, парень, – раздался низкий голос мужчины. Он исподлобья разглядывал вошедших. Взгляд был тяжелым и пристальным, он словно приказывал сознаться вошедшим ребятам во всех смертных грехах. Клепа с Вадимом робко жались к стене, в отличие от Серого, который, похоже, чувствовал себя как дома.

– Да? – Он глупо улыбнулся. Очевидно, ему очень хотелось спросить, что заставляет такую стройную девушку кутаться в эти тряпки подобно женщинам Востока, но что-то заставило его удержаться. – Ну и ладно.

Руслан мельком оглядел убранство дома. Сказать, что обстановка была нищенской, значило бы не сказать ничего. Такого убогого интерьера ему еще не доводилось видеть, разве что в деревнях, которые показывали в старых отечественных фильмах про Гражданскую войну. Покосившийся стол, разошедшаяся лавка, на которой мрачно восседал кряжистый мужчина, наполовину сгнившие половицы, скрипевшие даже не тогда, когда по ним ступали, а просто сами по себе, они словно стонали от боли, груда закопченной посуды валялась прямо в углу, в мятом тазу тускло блестела вода с плавающей паутиной. И иконы. Огромное количество икон, всех размеров, от маленьких до громадных, которые были под самым потолком. Лики святых хмуρο взирали на уставших путников.

Электричества в доме, судя по всему, не было – помещение освещалось керосиновой лампой на столе, отчего в углах царил полумрак. Впрочем, Инга зажгла несколько свечей, в комнате стало светлей. Стоял резкий запах прогорклого жира и чеснока, он словно намертво въелся в почерневшие от времени стены дома. При всем при этом Руслан не мог не заметить, что дом не просто выглядел старым. Он вспомнил дом своего деда, тот с любовью складывал его по бревнышку еще в 30-е годы, и этот дом стоит и по сей день, хотя деда с бабкой уже давно нет в живых. Изба была старой, но добротной, это была благородная старость. Эта же хижина выглядела неизлечимо больной, дряхлой, от этой старости за версту несло чем-то нехорошим, протухшим.

– Кто вы? – спросил мужчина. Он даже не расцепил пальцы, голос его был напряженным.

– Хм... – кашлянул Вадим и, будто ища поддержки, посмотрел на Клепу, но тот стоял истуканом, словно язык проглотил. На помощь Вадиму решил прийти Руслан:

– Мы заблудились и случайно встретили... – он запнулся и бросил взгляд на девушку, неподвижно стоящую в дверном проеме.

– Это моя дочь. Ее зовут Инга. Она нема, – слова мужчины были сухи и отрывисты, они сыпались как крошащийся мел.

– Гм... Это мы уже поняли, – сказал Руслан, немного освоившись. Он в двух словах изложил мужчине их приключения.

– Если вас не затруднит, мы дождались бы, когда закончится дождь, – добавил он в заключение. – И сразу уйдем.

– Ты сломал ногу? – спросил мужчина, думая о чем-то другом.

Руслан выдавил болезненную улыбку:

– Надеюсь, что нет. Возможно, вывих.

– Через полчаса лес накроет ночь, – сказал бородач, потеряв интерес к ноге Руслана. – Вы не выберетесь самостоятельно. Утром я покажу дорогу. А сейчас снимайте ваши тряпки, я согрею баню.

У Руслана сложилось впечатление, что слова сами вылетали изо рта мужчины и что тот сам с трудом успевал ловить смысл сказанного им же. На лицо легла тень обреченности.

Руслан негромко рассмеялся.

– Я сказал что-то смешное? – сдвинул кустистые брови бородач.

– Извините, – проговорил Руслан. – Просто у меня завтра свадьба, в шесть утра я планировал выехать в Сочи.

– До города идти километров десять, – сказал мужчина. – С твоей ногой это будет трудно.

– Ясно, – Руслан вздохнул. – Вот Женька-то обрадуется. У вас есть телефон? – спросил он с надеждой у мужчины.

Тот молча указал куда-то в угол. Вадим шагнул к выдавшему виду трельяжу и поднял донельзя пыльную трубку допотопного телефона. Никаких гудков. Он стал вертеть корпус телефона, и был неприятно поражен, обнаружив, что в нем вовсе не было начинки как таковой – просто пластмассовая коробка, треснувшая во многих местах. Перекрученный шнур болтался, какдохлый червь.

– Вы же сказали, что у вас есть телефон, – дрогнувшим голосом произнес Вадим, но мужчина ничуть не смутился и ухмыльнулся в ответ:

– Я сказал правду. Телефон есть. Правда, он сломан. Ты же не спрашивал, работает ли он?

Вадим застыл с трубкой в руках, немного ошалев от такой простой и вместе с тем немного идиотской логики. В воздухе повисла напряженная пауза.

– Ладно, – мужчина стал вылезать из-за стола. – Располагайтесь, я скоро приду. Затоплю баню.

Когда он ушел, Серый покрутил у виска пальцем и присвистнул.

– Может, все-таки лучше уйти? – нарушил тишину Вадим. Он боязливо вглядывался в мутное окно, обратив внимание, что весь подоконник завален трупиками всевозможных летающих насекомых – от комаров до оводов и пчел.

– Нет, – сказал Руслан. – В такую темень мы не пройдем и ста метров, не свалившись еще куда-нибудь. Раздевайтесь, ее отец правильно сказал. Обсушимся, а там видно будет.

– Я есть хочу, – сказал Клепа, стаскивая с себя рубашку. Обнажилось бледноватое тело с множеством родинок. – Штаны тоже снимать? – спросил он, неизвестно к кому обращаясь.

Инга кивнула, блеснув своими большими серыми глазами, и, что-то промычав, указала на Руса, потом на дверь в спальню, завершив все это жестом, имитирующим процесс перевязки.

– Ладно, я сам дойду, – сказал Руслан, осторожно слезая с колченогой табуретки. Припадая на больную ногу, он заковылял в комнату. Инга проследовала за ним и захлопнула дверь.

– Как вам девка, а? – плотоядно ухмыльнувшись, спросил Серый, поглядывая с сожалением в сторону двери. – Не поверите, но я хотел бы оказаться на месте Руса. Может, впердолить ей удастся. Я ж как из армии пришел, так ни-ни...

– Дурак ты, Серый, – сказал Вадим.

– Дурак у тебя в штанах, вниз головой висит, – вмиг среагировал Серый, не заметив, как щеки Вадима вспыхнули красным.

– Интересно, грузинки хорошо трахаются? – продолжал Серый. – Я бы помял ей сиськи. Они, наверное, такие... – он задумался, подбирая нужные слова, – ну... сладенькие.

– Почему ты уверен, что она грузинка? – спросил Вадим. – Ее отец, кстати, славянин, это явно.

Однако Серый со знающим видом махнул рукой:

– В любом случае, она из этих... как их... азиаток. Вон, видали, с ног до головы в черном. И чего она себе рожу замотала... наверняка симпотная, как думаете?

Клепа пожал плечами, а Вадим сказал:

– Может, обычай такой. Например, в мусульманских странах женщины вообще никогда не снимают паранджу. Были случаи, когда жена уходила от мужа, который решил посмотреть на ее лицо после десяти лет брака вслепую.

– Да ну? – не поверил Серый, стягивая с себя куртку. – Он что, кретин? Как же он женился и не видел ее физиономию?

– Так и женился, у них так положено, – невозмутимо продолжал Вадим. – В Персидском заливе, кстати, некоторые мусульманки живут всю жизнь с закрытым лицом, и даже дети не имеют понятия, как они выглядят.

– Идиотизм какой-то, – фыркнул Клепа.

Раздеваясь, Серый тем временем наткнулся на бутылку и заметно оживился:

– Пацаны, тут еще полпузыря есть. Налетай, пока не подорожало!

– Мне здесь не нравится, – неожиданно сказал Вадим. Он еще какое-то время продолжал пристально вглядываться во мглу за окном, потом повернул к ребятам блестящее от пота лицо и повторил:

– Не нравится. Знаете, вы будете смеяться, но я вспомнил старую арабскую поговорку: «Прежде чем войти в дом, подумай, как ты будешь оттуда выходить».

– Посмотри на эту проблему с другой стороны, – сказал Клепа, закончив с джинсами, теперь он был в одних трусах и носках. – У нас есть другой выход?

– Во, Клепыч правду говорит, – воскликнул Серый, тоже скидывая с себя одежду.

Инга показала жестом, чтобы Руслан сел на топчан, очевидно, служивший Инге или ее отцу кроватью. Он был покрыт старым покрывалом, неопределенного цвета от бесконечных стирок. Он сел, вытянув большую ногу. Девушка стала медленно водить прохладными пальцами по коже, не сводя при этом своих огромных глаз с юноши. Руслан почувствовал себя неловко. Нет, ему было приятно прикосновение женских рук, но, во-первых, он не мог понять, каким образом простые поглаживания смогут облегчить его ноющую боль, а во-вторых, он отчасти ощущал себя беззащитным от того, что лицо этой странной незнакомки было скрыто платком.

– Почему ты не открываешь лицо? Вам не позволяет обычай? – спросил он. Глаза девушки сузились, и Руслан мог только догадываться, что это означает. Возможно, улыбку. Рука ее поползла вверх по джинсам молодого человека, приближаясь к ширинке. Руслан опешил, расширенными глазами наблюдая за происходящим.

– Инга... – только и смог промолвить он, но мягкая и вместе с тем сильная ладонь девушки накрыла его промежность, пальцы ласково гладили выпирающий бугорок, который становился все больше. Она ловко раскрыла «молнию», и, прежде чем Руслан успел что-то сказать или сделать, пальцы коснулись его члена, набухающего с каждой секундой. Парень попытался отодвинуться, но, наткнувшись на смеющийся взгляд из прорези глухой паранджи, замолк. Эта девица явно знала толк в ласках.

«Женя. Женька. Женечка... что ты позволяешь с собой делать, ублюдок проклятый?» – прошипел в мозгу внутренний голос, возможно, голос его совести, но Руслан, откинувшись назад, уже не мог совладать с собой.

Он кончил неожиданно, с трудом подавив вскрик. Громадные серые глаза девушки сверкали, будто за тонированными стеклами пылали два костра. Она поднялась с топчана и стала медленно снимать с себя платье. Руслан торопливо спустил ноги вниз:

– Нет, с меня хватит. Инга, у меня есть невеста, понимаешь?

«Понимаю, – смеялись ее пронзительные глаза. – А еще я понимаю, что есть ты и я, и тебе понравилось то, что я делаю...»

Руслан неожиданно вспомнил про Вадима, и ему в голову пришла сумасшедшая мысль. Если эта девушка такая профи, то почему... почему бы не попробовать? По крайней мере, Вадим потренируется.

– Я так тебе понравился? – спросил он, торопливо застегивая ширинку. – Или тебе все равно? У нас есть друг... – Он на секунду замолк, испугавшись своих слов, потому что никогда бы в обычной жизни не поверил, если бы ему сообщили, что он будет предлагать незнакомой девушке, которая минуту назад довела его до оргазма, обслужить его приятеля. Но вот он снова заговорил, с трудом поспевая уловить смысл своих же слов:

– Он отличный парень, просто очень стесняется. Понимаешь?

Инга молча смотрела на него, в глазах плясали искорки, отображаемые дрожащим пламенем свечи.

Приволакивая больную ногу, Руслан вышел из комнаты. Инга не шелохнулась.

– Она обычная шлюха, – выдохнул юноша, плюхнувшись за стол. Он глотнул водки, и взгляд его устремился на Вадима.

– Это твой шанс, братан. Она много чего умеет, поверь, – Руслан снова глотнул. Горло немного обожгло, затем внутри стала разливаться успокаивающая теплота.

– Да ну? – не поверил Серый. – А папаня ее, значит, сутенер? Ах он старый пердун, едренить!

Вадим внимательно смотрел на Руслана.

– Ты серьезно?

– Абсолютно.

Вадим облизал пересохшие губы.

– А ее отец? – Он все еще сомневался.

– Он дрова рубит, – с усмешкой сказал Клепа. Снаружи действительно был слышен гулкий стук топора. – Давай, иди. Или пойду я!

Ноздри Клепы возбужденно подрагивали, как у хищника, почуявшего дичь. Он чувствовал нарастающее возбуждение.

– Нет уж! – разгорячился Серый. – Она мне первому понравилась!

Они спорили, почти кричали, мало замечая, как воздух в доме стал более плотным, почти осязаемым. Контуры предметов стали подрагивать, свет стал ярче, желтые огненные пятнышки свечей стали трепетать как живые, словно в доме гулял сквозняк. Серый закрыл дверь на засов. Вдруг отец Инги решит проверить, чем они тут собираются заняться?

Когда Вадим скрылся в комнате, они выпили еще. Руслан с удивлением сделал вывод, что боль в ноге куда-то исчезла. И с еще большим удивлением он понял... что хочет эту чертовку во всем черном. Когда она намеревалась снять с себя свой балахон, он мельком видел, как матово блеснула кожа на ее восхитительных, ровных ногах, и теперь это приводило его в исступление.

Серый допил остатки водки и теперь вождельно поглядывал на дверь, тяжело дыша. Он смахивал на быка-осеменителя, которого привели в коровник.

Стук снаружи не прекращался ни на минуту, словно этот бородатый мужик решил нарубить дров сразу на три года вперед. Они молчали, каждый думая о своем и при этом боясь взглянуть друг другу в лицо.

– Не дрейфь, Рус, – нарушил паузу Серый. – Вот это я называю настоящим мальчишником!

Дверь открылась, из комнаты вышел Вадим. Его немного шатало, на лице дикий симбиоз наслаждения и затаенного страха.

– Рус, у нее кровь, – озабоченно сказал он, и в то же мгновение лицо его засияло как начищенный пятак. Он заговорщически произнес:

– У меня получилось! Представляешь? Получилось!

Руслан не верил своим глазам – он никогда еще не видел такого выражения лица у Вадима. Всегда сдержанный, элегантный, вежливый, стесняющийся собственной тени, сейчас его прямо распирало от удовлетворенной похоти, глаза возбужденно поблескивали, и больше всего в этот момент он напоминал самца орангутанга в период случки.

– Получилось, – тупо повторил Вадим, и широкая улыбка, циничная и жесткая, так не свойственная ему, заиграла на его губах.

– Ну, герой, – деловито бормотал Серый, снимая с себя трусы прямо в комнате. Воздух постепенно сгушался, как прокисшее молоко, становясь липким, уши закладывало, как в самолете, попавшем в воздушную яму, и их приглушенные голоса звучали как из закрытого гроба.

Девушка хотела встать с кровати, когда в комнату вошел Серый. Его член бесстыдно торчал, как затейливый сук на дереве, и он без слов полез к ней.

Инга затрясла головой, пятясь назад, но Серого это еще больше раззадорило.

– Ты целка? – удивился он, заметив кровь на одеяле. Он брезгливо поморщился, собираясь скинуть одеяло на пол, но под ним обнажилась солома, и Серый, выругавшись, просто перевернул одеяло наизнанку.

– Или у тебя месячные? – спросил он. – А, ладно, какая, хрен, разница.

Инга яростно отбивалась ногами, что-то нечленораздельно мыча, попав пяткой в грудь Серому, и тот разозлился. Хлесткий удар по лицу, и голова девушки беспомощно дернулась назад. В комнату зашел Клепа, глаза, не мигая, наблюдали за происходящим.

– Сними свою маску! – заорал Серый, потянув на себя край платка. Однако он не поддавался, так как был намертво закреплен сзади замысловатыми булавками.

– А впрочем, ладно, – вслух сказал Серый, входя в девушку, – так будет даже интересней. Типа как кот в мешке.

Инга застонала, пальцы в бессилии сжали одеяло. Он был мерзок, этот юноша. От него резко пахло потом и перегаром, и она зажмурила глаза, не в состоянии поверить, что все происходящее было явью, а не плодом ее воображения.

После Серого был Клепа. Потом снова Серый. Потом... Руслан.

Они словно поголовно посходили с ума, превратившись в диких зверей, особенно Серый. Они совершенно забыли о том, что находятся в глухом лесу, что их уже давно начали искать, что родители с ног сбились, разыскивая их, что за окном глубокая ночь, Руслан и думать забыл о предстоящей свадьбе, и меньше всего его сейчас заботила сходящая с ума от тревоги Женя. Единственное, что они видели перед собой, – обнаженное, мокрое от пота тело Инги, извивающееся на топчане.

Она мычала не переставая, пытаясь сопротивляться, но противостоять четверым парням, дрожащим от вождения, в выражениях лиц которых уже не было ничего человеческого, она не могла. Клепе она расцарапала щеку, и тот, разозлившись, надавал ей таких оплеух, что Инга на некоторое время потеряла сознание. Оглушенная болью и ужасом, она пришла в себя только затем, чтобы понять, что этот кошмар продолжается. Разум подсказывал ей, что на сопротивление лучше не тратить силы, тем более это еще сильнее распаяло обезумевших парней. Обессиленная, она теперь просто лежала, с униженной покорностью позволяя осквернять свое тело, и лишь тихонько всхлипывала, когда кто-либо из них делал ей слишком больно. Они с такой жадностью накидывались на нее, словно Инга была первой женщиной, которую они встретили за всю жизнь. Когда ее «пропускали» по кругу, первый, к тому времени, как заканчивал последний, уже полностью восстанавливал свои силы и был снова готов к соитию, нетерпеливо топчась у кровати, и эти чудовищные круги следовали один за другим.

Она чувствовала, как сзади, на затылке ослабился узел платка. Ее грубо вертели и трясли, как куклу, и если она не поправит узел, платок спадет.

Над ней нависло лицо одного из них, багровое от прилившей крови:

– Гюльчатай, может, откроешь личико? Мне все-таки интересно, какая должна быть мордашка при таких формах.

«Нет!» – закричала мысленно Инга, отчаянно трясая головой, еще больше ослабляя узел.

Серый подбежал к Клепе, который в этот момент был на Инге, и сорвал платок. Полностью. В комнате наступила оглушительная тишина. Только слышалось: кап-кап-кап... где-то подтекала дырявая крыша.

Четыре пар глаз уставились на Ингу, на ее лицо. Точнее, на то место, что когда-то было лицом.

Вадим отвернулся первым, сгорбившись, он нетвердой походкой вышел из комнаты, Серый, побледнев, последовал за ним. Руслан не шелохнулся, хотя внутри у него все визжало и вопило от ужаса. Затем послышались недвусмысленные звуки – Клепу вырвало прямо на Ингу. Она вяло повернулась на бок, приподнявшись на топчане. Она даже не предприняла попытку закрыть лицо, и теперь ее мокрые от слез глаза загорелись мстительным огнем – эти щенки были явно не готовы к такому повороту событий. Клепа, поскуливая, слез с девушки, зацепившись ногой за одеяло, он свалился на пол, там его скрутил спазм, и он изверг из своей глотки новый поток желчи.

Теперь, когда голова девушки была повернута в сторону притихших молодых людей, стало ясно, почему она носила платок. Судя по всему, когда-то с ней произошло несчастье, возможно, сильный ожог. Лицо как застывший воск, сплошь в буграх и шрамах.

Она что-то промычала, безгубый рот разъехался в стороны, став похожим на оскал диковинного зверя. Вадим закричал, пятась к двери. Его боевой друг, которым он еще несколько минут назад так гордился, теперь беспомощно поник, будто разделял испуг хозяина. Собственно, возбуждение пропало и у всех остальных. Клепа, что-то нечленораздельно бормоча, на четвереньках выполз из комнаты, размазывая коленками рвотную жижу.

Руслан сделал шаг назад, стыдливо прикрыв руками свои гениталии. Ему стало дурно. Боже, что они натворили?!

Он шел, не сводя глаз с лица несчастной. Она перестала всхлипывать, и теперь пыталась завернуться в свое черное одеяние. Между тем воздух медленно разрежался, их голоса вновь стали звучать по-прежнему, исчезло неприятное ощущение в ушах.

– Что с ней? – проблеял Клепа, все еще отплевываясь.

– А фиг его знает, – глухо сказал Серый. – Пацаны, нужно уходить.

Он быстро натянул джинсы, и, видя, что на его слова никто не отреагировал, повторил уже громче:

– Вы что, не слышите?! Надо валить отсюда! Сейчас ее батя придет, тогда будет нам такая баня, что до самой смерти не отмоемся!

Клепа отыскал на полу свои мокрые брюки и, дрожа всем телом, стал напяливать. Проклятая штанина завернулась внутрь, и нога никак не хотела пролезать туда, куда ей следовало.

В этот момент входную дверь сильно дернули. Вадим пригнулся, словно от удара плетью, лицо его стало белым:

– Это он!

– Откройте! – послышался снаружи голос мужчины. Голос безмерно уставшего человека.

– Что будем делать? – пролепетал Клепа, застегивая рубашку трясушимися руками. Он увидел, что Инга, кое-как одевшись, встала с кровати. Платок она так и не надела. Она стояла вся черная и молчаливо-торжественная, и падавший свет от горящих свечей придавал ей какую-то зловещую неотвратимость. Словно перед ними материализовалась сама Смерть.

Вскрикнув, Клепа бросился к двери и с хлопком закрыл ее прямо перед Ингой, подперев лавкой.

– Инга? – спросил за дверью мужчина и снова дернул дверь. – Ребятки, откройте, у меня топор.

Руслан почувствовал, как по коже поползли мурашки. Теперь они были похожи на наложивших в штаны школьников, которых застукали за разглядыванием неприличных журналов. Вадим надел очки и с опаской приблизился к окну, пытаясь что-то разглядеть в темноте. В следующее мгновение он с воплем отшатнулся – к стеклу прилипло перекошенное злобой лицо бородача.

– Я вас предупреждал, – сказал он и размахнулся. Внутри дома брызнули осколки стекла, в комнату ворвался ветер, неся с собой прохладу. Еще один удар – и рама повисла на одном шурупе, битое стекло со звоном падало на пол.

Вадим бросился к двери, Серый лихорадочно оглядывался в поисках какого-либо оружия. В окне снова показалось лицо мужчины.

– Начинайте молиться. Вы все... останетесь здесь, – прохрипел он. Потом лицо исчезло. Вадим все еще возился с дверью, сдирая до крови пальцы, пытаясь открыть засов.

– Нет, не открывай! – кричал Руслан, словно очнувшись от сна. – Он убьет нас всех!

«И правильно сделает», – добавил он угрюмо про себя. Однако было уже поздно, дверь открылась, и отец Инги ворвался внутрь, размахивая топором. Он сильно хромал, и даже скудного освещения хватило, чтобы разглядеть следы крови, которые он оставлял босой ногой. Серому где-то удалось отыскать большой нож, и теперь он крепко держал его в руке, собираясь дорого продать свою жизнь.

Бородач взмахнул топором, обухом попав Клепе в плечо. Тот тонко взвыл и отлетел в сторону, как мячик от пинг-понга. Вадим бросился на пол плашмя, увернувшись от предназначенного ему удара, и, перекатившись на бок, оказался в дверях, после чего скрылся в темноте. Отец Инги не стал его догонять и все свое внимание сосредоточил на Сером и Руслане. Клепа, жалобно хныкая, спрятался под стол.

Внезапно в комнате, где осталась Инга, раздался животный крик, перешедший в захлебывающийся хохот, будто бы там за дверью находилось не живое существо, а взбесившаяся гиена. Все, включая отца девушки, вздрогнули, и мужчина непроизвольно посмотрел на дверь. Руслан понял, что если и есть шанс, то воспользоваться им можно только сейчас. Забыв о боли в ноге, он бросился под ноги мужчине. Бородач от неожиданности выронил топор и осел на пол.

– Бегите! – проревел Рус, пытаясь удержать его. Топор лежал прямо перед ним, и он отпихнул его ногой как можно дальше. Краем глаза Руслан видел, как из дома выбежал Клепа. Мужчина с легкостью отшвырнул Руслана в сторону, но тут на его пути возник Серый. Мужчина медленно поднялся на ноги, Руслан обратил внимание на его изувеченную ступню, и к горлу моментально подкатил теплый комок – как он вообще передвигается с такой ногой?

Он шел на Серого, опустив руки, только спрятанные глубоко глаза сверлили побледневшего, но готового на все юношу.

– Ты с друзьями осквернил мой дом, – едва слышно сказал мужчина, остановившись в полуметре от Серого. – Надругались над моей дочерью. В этом есть и моя, и ее вина... но сейчас ты не понимаешь, что делаешь. Убери нож. Вы себя и так наказали, можете мне поверить.

– Серый, не трогай его! – крикнул Руслан, но крик его потонул в раскатах грома. За дверью снова взвыла Инга.

– Отдай нож, – приказал мужчина, но Серый, бешено сверкнув глазами, неожиданно вонзил лезвие в живот бородача. Ни единый мускул не дрогнул на лице мужчины. Он просто протянул руки вперед и сграбастал Серого. Однако силы быстро покидали его, и он медленно опустился на колени. Под изуродованной ногой образовалась уже целая лужа крови. Пальцы бородача нащупали горло Серого и стали сжиматься, сужая смертельный обруч, глаза парня выпучились.

– Р...Рус, – заклокотал он, пытаясь отцепить мощные руки мужика, но все было тщетно.

– Отпустите его, – пробормотал Руслан, дотронувшись до плеча мужчины. – Пожалуйста.

– И настигнет их кара божья... – бормотал мужчина, продолжая душить Серого. Новый крик за дверь, вновь сменившийся смехом, безжизненным, как суховея. Лицо Серого приобрело синюшный оттенок, глаза закатились, хрипы становились все тише и тише, и Руслан понял, что сейчас он удавит его приятеля.

Как во сне, он поднял топор и, зажмурившись, ударил обухом мужчину по затылку. Первое время ему почудилось, что он и вовсе не ударил его, так как бородач продолжал сжимать горло Серого. Но вот мужчина покачнулся, из горла вырвался сдавленный рык, и он повалился на пол.

Руслан с трудом поднял Серого.

– Идти можешь? – закричал он ему в ухо, пугаясь собственного голоса. Серый неопределенно кивнул. В дверях показался Вадим, остервенело сжимая в руках лопату.

– Чуть не задушил, – сипло сказал Серый, растирая распухшее горло. Вадим, увидев лежащее тело мужчины, выронил лопату:

– Что с ним?

Ему никто не ответил. Наконец Руслан разбито проговорил:

– Зачем ты ударил его ножом?

Серый посмотрел на друга как на полоумного:

– Он бы убил меня, если бы я стоял как столб. Ты что, Рус, опомнись! Сам же все видел!

Руслан ощущал, как его обволакивает чувство иррациональности происходящего. Господи, неужели он стал убийцей? Может, он его просто оглушил? Ведь первый удар нанес Серый... Он осторожно дотронулся до кисти бородача. Она была теплой, но пульс не прощупывался.

Серый внимательно следил за Русом и, когда он выпрямился, проговорил:

– Уходим, Рус. И чем быстрее, тем лучше.

– Где Клепа? – проскрипел Руслан и не узнал собственный голос – будто по батарее рашпилем водили.

– Снаружи. У него плечо, кажется, сломано, – сказал Вадим.

Руслан расхохотался. Серый с испугом отодвинулся от друга:

– Ты что?

Руслан поднялся на ноги и, тщательно выговаривая каждое слово, произнес:

– Мы изнасиловали девушку. Девственницу. Избили ее. А затем убили ее отца. А ты говоришь про какое-то задрипанное плечо?

– Рус... – взял его за локоть Серый, но тот рывком сбросил руку.

– Ты сможешь идти? – примирительно спросил Вадим.

– Мне нужно будет на кого-то облокотиться, – сквозь зубы сказал Руслан.

– Я хочу, чтобы мы все поклялись, – тихо сказал он, когда они вышли наружу. – Поклялись, что никто и никогда не расскажет о том, что здесь произошло.

Он вытащил перочинный ножик.

– Рус, ты что? – вытаращил глаза Вадим, и прежде чем все успели опомниться, схватил его за руку и сделал надрез на ладони.

– Ваши руки! – прикрикнул он остальным. Клепа безропотно протянул ладонь, отвернувшись. Когда все было готово, они скрестили руки и крепко сжали пальцы, позволяя смешаться крови.

– По крови нас могут найти, – неуверенно сказал Клепа, старательно зализывая рану.

– Дождь смывает, – сплюнул Серый. Он покосился на покосившийся дом:

– Я бы сжег дом.

– Ты с ума сошел! – пискнул Клепа. – Может, этот мужик еще жив?

Ему никто не ответил, все боялись узнать ответ на этот страшный вопрос. Руслан вроде бы и щупал пульс, но он же не эксперт. К тому же, учитывая обстоятельства...

– А я бы и девчонку... того, – сказал Серый. Он поймал ненавидящий взгляд Руслана и пояснил с ужасающим спокойствием:

– Она хоть и немая, но, видать, далеко не дура. Так что опознать нас легко сумеет.

– Ты не сделаешь этого, – сказал Руслан. – Хватит и того, что мы натворили.

Они быстро удалялись от дома, но, даже когда отошли на добрую сотню метров, им казалось, что они слышат непрекращающийся вой девушки.

Теперь Серый шел уверенно, и ребята даже не спрашивали, откуда он вспомнил дорогу. Почему-то никто не сомневался, что сейчас они идут правильно.

Они вышли на трассу около четырех утра, едва держась на ногах от усталости. К тому времени Руслану начало казаться, что девушка с обезображенным лицом, ее отец, странный дом – все это было ночным кошмаром. Мозг прокручивал в памяти происшедшее, и с каждым разом те события ему представлялись все более неправдоподобными.

– Рус... – тихо позвал его Вадим.

– ?

– Что с нами было?

Руслан помолчал, обдумывая вопрос, после чего признался:

– Не знаю. Там, в доме... когда все происходило, ты ничего не почувствовал?

Вадим чуть слышно сказал:

– Да. Словно у меня произошло раздвоение личности. Будто мое я было где-то под потолком этой хижины и наблюдало, как второе я бесится и сходит с ума. Будто бы в оборотня превратился. И я не ошибусь, если скажу, что мы все были под каким-то воздействием... Не знаю, гипноза, что ли. Не могу поверить, что я был способен на такое. А ее лицо...

– Вы забыли еще об одной вещи, пацаны, – услышали они голос Клепы. Он кисло улыбнулся:

– Кто-нибудь из вас вспомнил про гондоны?

Руслан схватился за голову, но потом спохватился:

– Она была девственницей. Так что вряд ли мы что-то подцепим.

Серый многозначительно хмыкнул и засунул руки в карманы.

Четыре фигурки брели по обочине, не обращая внимания на дождь. Автобусы и маршрутные такси еще не ходили, но вскоре им повезло – водитель какой-то длиннющей фуры сжалился и притормозил у продрогших ребят. Они быстро вскарабкались в кузов и уютно расположились среди каких-то тюков.

Грузовик быстро ехал по серпантину, и Рус стал верить, что еще успеет на свадьбу. Женька, наверное, места себе не находит... Он старался думать о своей невесте, но перед глазами, как назло, висело лицо изнасилованной девушки, кошмарный блин с дырками вместо носа, и ему стало страшно. Он не знал, как будет теперь смотреть в глаза Женьке...

* * *

Что же могло произойти? Почему Вадим вспомнил про этот дикий случай?! События той ночи Руслан давно задвинул в самую дальнюю кладовку своей памяти, ключ от которой выбросил. А теперь вот снова... Неужели что-то всплыло?

Когда Вадим позвонил на следующий день, Руслан предложил встретиться в каком-нибудь ресторане, однако Вадим наотрез отказался куда-то ехать, сославшись на плохое самочувствие.

– Ты лучше ко мне приезжай, – сказал он. – Только... гм... у меня угостить тебя нечем.

– Я все возьму, – успокоил друга Руслан, немного удивившись. Когда он последний раз общался с другом, дела у него шли в гору. Вадим обзавелся семьей, имел свой бизнес в сфере интернет-услуг и был довольно преуспевающим человеком.

Затарившись в одном из супермаркетов, он поймал частника и полетел к Вадиму. В лифте пахло псиной и застоявшимся потом, и Руслан даже набрал в легкие воздуха, стараясь задержать дыхание. После стольких лет, проведенных на берегу океана, он совсем отвык от этих полуразваливающихся «бараков» с их неизменным подъездно-лифтовым «амбре».

Когда Руслан вышел из лифта, он чуть не столкнулся с каким-то сгорбленным пожилым мужчиной в мятом халате. Пробормотав «извините», он, перекладывая пакеты, потянулся к звонку квартиры Вадима, представлявшему собой болтающуюся на гвозде кнопку, как вдруг сзади услышал тихое:

– У него звонок не работает, стучите.

– Благодарю, – не оборачиваясь, сказал Руслан.

– Я так изменился? – Все тот же тихий, дребезжащий голос, как волочащийся по асфальту оторванный бампер.

Руслан замер и медленно развернулся. Освещение в подъезде было под стать лифту и запахам в нем, но все же света было достаточно, чтобы в худом, испещренном морщинами лице прислонившегося к стене старика он сумел уловить что-то знакомое.

– Вадик?!

– Если какой-то кретин не влез в мой халат, тогда я Вадик, – мужчина улыбнулся, но эта кривая улыбка скорее омрачила его лицо. – Пошли внутрь, тут холодно.

Вадим (он почему-то был в носках) мелкими шажочками прошаркал в квартиру; Руслан, все еще находясь в состоянии легкого ступора (он даже не успел подумать о том, что гостей вроде бы принято пропускать в дом первыми), последовал за ним.

– Осторожно, не споткнись, – предупредил Вадим, но было поздно – Руслан со всего маху влетел в ведро с помоями, расплескав на и без того грязный пол какую-то темную мерзость, похожую на ту, что скапливается годами в водопроводных трубах.

«Сдается мне, тут не принято разуваться», – рассматривая пятно на брюках, подумал Руслан. И то верно – было не очень похоже, чтобы в этой квартире вообще держали домашнюю обувь для гостей.

Когда они прошли в комнату, до Руслана только тогда дошло, как все тут изменилось. Он отлично помнил, как они еще на первом курсе отжигали здесь Новый год, как «разводили» двух капризных подружек из параллельной группы, да и вообще частенько заходили в гости. Тогда квартира была с шикарным ремонтом, со вкусом обставленная, напичканная дорогостоящей техникой... Но во что она превратилась сейчас? Создавалось впечатление, что на протяжении многих лет ее использовала целая орава бомжей в качестве притона.

Засаленные, отслаивающиеся обои в порослях паутины, паркет потемнел и потрескался, в некоторых местах даже вздулся, словно пол под ним пошел фурункулами. Засиженные сонными мухами окна практически не просматривались, под оранжевыми от ржавчины чугунными батареями стояла шеренга мисок и грязных тарелок, собирая воду с подтекающих труб. Из мебели – кровать без ножек, на которой бесформенным комком валялось рваное одеяло, покосившийся стол (вместо скатерти, естественно, газеты) и три стула, один из которых был смертельно ранен – без двух ножек, третья небрежно примотана изолентой, и то скорее для видимости.

Несмотря на гнетущее впечатление, Руслан быстро взял себя в руки и, выгружая из пакетов продукты, словно между прочим, поинтересовался у Вадима, где у него холодильник.

– Нет у меня холодильника. На хер он вообще нужен, – несколько вызывающе сказал Вадим, будто ничего необычного в том, что человек живет без холодильника, нет. С какой-

то холодной недоверчивостью он наблюдал, как Руслан разгружал сумки. Помидоры «Черри», голландский сыр, две палки сырокопченой колбасы, буженина, семга, балык, консервированные ананасы, две банки с красной икрой, пакеты с соками и в довершение ко всему – пузатая бутылка «Джек Дэниелз».

– Где можно руки помыть? – осведомился Руслан, закончив раскладывать продукты. Вадим махнул рукой куда-то в сторону ванной.

– Я смотрю, ты неплохо устроился, – сказал он, когда Руслан вернулся из ванной с мокрыми руками (он просто сполоснул их водой, так как ни мыла, ни полотенца в ванной не обнаружил). – Вижу, акцент уже появился. Скоро вообще русский забудешь.

Руслан промолчал. Вскрыв упаковку салфеток, он промокнул руки и осторожно присел на стул. Тот протяжно заныл, словно больная собака.

– Можешь сесть на диван, – бесцветно сказал Вадим, начиная резать колбасу. Очевидно, он прочитал в глазах Руслана озабоченность по поводу устойчивости умирающего стула. – Давай, двигай сюда кровать, а то, в натуре, стул сломаешь. Я же не знал, что ты стал таким толстым.

Зато ты стал похож на высушенный стручок, хотел подколоть его Руслан, но, взглянув в слезящиеся глаза друга, понял, что шутка будет неуместна, и стал двигать кровать к столу.

Вадим сначала пытался резать колбасу как полагается – тоненькими колесиками, но то ли нож был тупой, то ли зрение уже было не то (а может, и все вместе), но лезвие все время соскальзывало, а если резало, то криво. Вадим вполголоса чертыхнулся и стал кромсать громадными, неуклюжими кусищами.

– Что, не узнал меня? – не поднимая глаз, спросил он.

– Ты чем-то болен? – неожиданно вырвалось у Руса, хотя жалеть о своем вопросе ему не пришлось – Вадим лишь невесело усмехнулся, и только.

– Рак, – коротко бросил он. – Только не тот, который к пиву подают, а другой. Рак желудка.

Руслан оторопел.

– Тогда you must't,⁵ то есть, тьфу, ты не должен есть все это, – сказал он, показывая на разложенную закуску, но Вадим сделал беспечный жест рукой (этот жест не изменило ни время, ни страшный диагноз) и стал разливать виски в чайные чашки. Руслан смотрел во все глаза, и волей-неволей его глаза замечали все мелочи – и мелко дрожащие руки Вадима, и его согбенную, как у больного спинным менингитом, фигуру, и его поредевшие волосы, и эти, чтоб они провалились, fucking,⁶ чашки с коричневыми разводами, словно там заваривали shit, то бишь дерьмо...

– Ну, за встречу? – произнес Вадим и, не чокаясь, жадно выпил. Закусывать он не стал, и сразу же налил себе еще. Руслан отпил совсем немного и потянулся к банке с ананасами. Вадим распечатал пакет с томатным соком и хитро подмигнул Руслану:

– Ну че, хряпнем по сто грамм крови мертвых помидоров?

Руслан вежливо улыбнулся, гадая про себя, считает ли сам Вадим сказанное шуткой. Если да, то юмор его друга стал чересчур специфичен. А может, он слишком долго жил в Америке и отстал от здешней жизни с ее jokes?⁷

Его так и подмывало спросить, почему Вадим спросил его вчера про шрамы, но что-то подсказывало мужчине, что время откровенничать еще не пришло, и он терпеливо ждал.

– А где твои родители? – поинтересовался он. – Они живут отдельно?

⁵ Ты не должен (англ.).

⁶ Fucking – ругательное определение (англ.).

⁷ Jokes – шутки (англ.).

– Нет родителей. Погибли в аварии шесть лет назад, – равнодушно сказал Вадим. – Батя жевал зубочистку – он жить без них не мог – и не заметил открытого люка. Может, все бы обошлось, но зубочистка от удара попала в глотку, он стал кашлять, выпустил руль, и нас вынесло на встречу. Он вылетел через лобовое, и при ударе ему оторвало башку, ее потом нашли в канаве с этой дурацкой зубочисткой в глотке. Мать умерла в больнице. Жена, Иринка, сломала позвоночник, в больнице до сих пор лежит. Представляешь, Рус, все всмятку, и только мне хоть бы хны... Хотя иногда мне кажется, что лучше бы я сдох вместе с ними...

– Ты не должен так говорить.

Вадим снова усмехнулся, кольнув друга недоверчивым взглядом.

– Узнаю тебя, Рус. «Должен», «не должен», «следует», «не следует»... ты всегда был такой правильный и хороший, верно?

Руслан не нашелся что ответить, и в прокуренной комнате повисла пауза. Руслану почему-то впервые стало неудобно за свой новенький костюм, за недавно приобретенный золотой перстень, за безукоризненно завязанный галстук.

Вадим же, напротив, ничуть не стеснялся своего драного халата и выцветших «адида-совских» треников с отвисшими пузырями на коленях и снисходительно поглядывал на своего школьного друга.

– Как ты догадался, что я в Питере? – задал вопрос Руслан, когда молчание уж слишком затянулось и становилось откровенно неприличным.

– А никак. Интуиция, если хочешь. Последний раз я звонил тебе... наверное, года три назад. А тут прямо как по яйцам получил: ни о чем не могу думать, только ты перед глазами. Хорошо, соседка дома оказалась – мой телефон уж полгода как отключили.

Пока друг говорил, Руслана все еще одолевали сомнения – неужели такое возможно? Неужели можно так деградировать и скатиться вниз? И если им сейчас под сорок, то Вадик тянул никак не меньше чем на шестьдесят, а то и больше.

– Ну, как живешь? – спросил Вадим, сооружая себе бутерброд, по мнению Руслана, из совершенно несовместимых компонентов – на хлеб положил колбасу, сверху кусок семги и завершил эту конструкцию двумя «Черри». После этого он обильно посыпал свой «гамбургер» солью и с жадностью вонзил в него желтые зубы.

– Я? – спросил Руслан, чувствуя, что рассказывать о своей нынешней жизни Вадиду, учитывая его недавнее признание, просто кощунство. – Да так. Нормально. В фирме одной работаю.

– Ну-ну, – закивал с набитым ртом Вадим. – Оно и видно.

В комнате снова наступила тишина. Разговор однозначно не хотел клеиться, Вадим словно забыл о вчерашнем разговоре про клятву двадцатилетней давности, и Руслан все чаще поглядывал на часы. Вадим потянулся к бутылке, но Руслан знаком показал, что больше пить не будет. Произнеся «как хочешь», Вадим с напускным равнодушием наплескал себе почти до краев. Выпил, отставил чашку в сторону, тыльной стороной ладони вытер шелушащиеся губы.

– Ты сигареты случаем не купил, Рус?

– Нет, извини. Сам не курю, вот и не подумал.

Вадим со вздохом полез в карман облезлых штанов.

– Придется свои курить, – провозгласил он с видом утомившегося мудреца и задымил «Явой».

– А где твоя семья? У тебя вроде сын с дочкой были? – спросил Руслан, и Вадим понятиливо закивал головой – ну ни дать ни взять старый дедушка поучает своего не в меру расшалившегося внука.

– Ага, вспомнил наконец. Вот мы и пришли к главной теме нашего разговора.

Он внезапно резко наклонился к Руслану и показал ему свою сухую ладонь, испещренную глубокими линиями, ткнув грязным ногтем в едва виднеющийся шрам:

– Ты вспомнил, Рус?

– При чем тут твоя семья? – спросил изумленно Руслан.

– Она погибла, и к этому имеют прямое отношение те события.

Руслану показалось, что его мешком огрели. Ничего себе заявление!

– Налей, – хрипло сказал он, и Вадим, будто ожидая эту просьбу, быстро налил другу почти полную чашку. Руслан выпил, желудок сразу подскочил куда-то к горлу, но он намеренно не стал закусывать.

– Может, пояснишь? – наконец выдал Руслан.

Однако Вадим не торопился с ответом. Докурив, он раздавил окурок прямо об стол и пристально посмотрел на Руслана:

– Ты куда не торопишься, братишка? Ничего, что я так обращаюсь к тебе, Рус? Не брезгуешь? Я ведь уже не ровня тебе.

– Перестань, Вадик.

– Ладно-ладно, что я, слепой, что ли, и так все вижу... Только я не всегда такой был. Ладно, я отвлекся. Хочешь послушать одну занимательную байку? – неожиданно предложил Вадим. – Только прежде я покажу тебе кое-что.

Неожиданно на кухне что-то звякнуло. Лицо Руслана вытянулось:

– Ты не один?

Вадим выглядел совершенно спокойно, даже немного раздраженно, мол, не перебивай. Он сказал равнодушно:

– Со мной живет мой пес, но сейчас он болен. Хочешь взглянуть?

Руслан замотал головой. Благодарим покорно, но любоваться на собак, да еще больных неизвестно чем, не входило в его планы. Он лишь уточнил:

– Он привязан?

Вадим кивнул и, не без труда встав со стула, вышел из комнаты и вскоре вернулся, неся в руках фотографию. Он протянул ее Руслану и медленно заходил по комнате.

Руслан взглянул на фото. На ней была изображена улыбающаяся девчушка лет двенадцати, довольно симпатичная, с открытым, жизнерадостным личиком. Перед собой она держала большую куклу с розовыми бантами. Казалось, и девочка, и кукла смотрят прямо в объектив.

– Это твоя дочь? – Руслан поднял глаза на Вадима, и тот болезненно скривился:

– Нет... но об этом потом. Хорошо посмотрел? Итак, слушай историю. Жил-был один мужик. У него была прекрасная жена-красавица. И родились у этого мужика два мальчика, а потом девочка. Чудо-девочка. Красавица, пером не описать. Как в сказке.

Руслан во все глаза смотрел на Вадима, который как ни в чем не бывало шаркал носками по комнате. Уж не тронулся ли умом его друг детства?

– Все у него было замечательно, у этого мужика. Да, кстати, его звали Роман Викторович Агейко. У него был свой процветающий бизнес. Милая, верная жена, умные, подающие надежды дети, особенно дочка, так что все в ажуре. А жил он... – Вадим на секунду наморщил лоб и бросил быстрый взгляд на Руслана: – Хотя пока это не важно. Далеко жил. Тебе интересно?

Руслан кивнул с несчастным видом. Ему становилось дурно в этой убогой комнатенке, спертый воздух давил на виски, сигаретный дым жег глаза, но он понимал, что не может вот так просто встать и уйти.

– Затем в какой-то момент все перевернулось с ног на голову. Будто в их жизни заклинило какую-то важную шестеренку, и весь механизм стал медленно рассыпаться, превращаясь в хлам. Сначала при странных обстоятельствах погибает жена. Роман Викторович в шоке, но держится. Далее погибают сыновья.

Вадим замолк, но только для того, чтобы прикурить новую сигарету. Его руки так сильно тряслись, что он никак не мог зажечь спичку. К тому же его снова скрутил приступ кашля. Руслан терпеливо ждал, прекрасно понимая, что желание помочь другу и прикурить за него сигарету тот может расценить как сочувствие или даже жалость, а он в силу своего характера в этом не нуждался. Наконец сигарета раскурилась, пых-пых, грязная чашка вновь полна виски, бульк-бульк, и рассказ продолжался.

– Бизнес катится под откос, они разоряются, продают все имущество, и перебираются жить в какое-то захолустье. Но несчастья не покидают их, все, кто хоть как-то поддерживал с ними отношения, или тяжело болели, или умирали. Словно их род прокляли. Тогда Роман Викторович стал жить в лесу. Вместе со своей дочкой. И в один прекрасный день, когда пошел дождь, в этом лесу случайно оказались четверо мальчиков, которые заблудились... – Вадим прервал свой рассказ и резко повернулся к Руслану: – Думаю, дальше ты в состоянии продолжить сам.

Лоб Руслана покрылся испариной, страшная догадка, как лохматый паук, неуклюже барахталась в закоулках сознания, и он спросил, не поднимая глаз:

– Ты думаешь, что этот мужчина с дочерью... это они и есть?

Вадим без сил опустился на стул, глаза запали еще больше.

– Да. Не думаю. Я ЗНАЮ. Отец той девушки, он и есть Агейко. Я был там, в доме, – добавил он. В глазах выступили слезы. – Был после того, как... погибла моя семья.

На кухне снова что-то звякнуло, после чего стало слышно низкое ворчание.

– Я сейчас, – отрывисто бросил Вадим.

Опрокинув стул, он зашаркал из комнаты. Пока его не было, Руслан с трудом боролся с искушением улизнуть из квартиры. Он слышал приглушенный голос Вадима, успокаивающий и почти нежный. Наверно, гладит несчастное животное. Руслану стало жаль друга. Вадим скоро вернулся, лицо было пепельным, как грязный подтаявший снег.

– Я, судя по всему, сбил тебя с толку, – сказал он. – Начну по порядку. Надеюсь, ты вспомнил, о чем идет речь? Этот мужик, которого вы завалили с Серым, и есть Агейко.

Руслан хотел о чем-то спросить, но Вадим взмахнул рукой:

– Не перебивай. Просто слушай. Помнишь, у меня была подруга Алинка? У меня еще с ней были проблемы по мужской части.

Руслан кивнул.

– Так вот, как ты помнишь, там, в доме, с той девушкой, Ингой, все было чики-пуки. Но когда я вернулся домой, обломы повторялись. Сечешь? Мы с Алиной расстались. У меня был жуткий депрессняк, я чуть ли не в петлю лез. Врачи разводили руками – никакой патологии, нервы, молодой человек, и прочие сопли. Тогда я направил все силы на карьеру, и твой мальчишник стал понемногу забываться. Я неплохо зарабатывал, познакомился с девушкой, но долго боялся лечь с ней в кровать. Не буду вдаваться в подробности, но у нас все получилось, и спустя какое-то время мы поженились. У нас родился сын, потом дочь, и все было как в сказке, я жил, наслаждаясь всеми прелестями жизни. Но потом все покатило вниз, как у этого Агейко.

Вадим снова заходил по комнате, глаза его возбужденно блестели, впалая грудь ходила ходуном.

– Все началось с работы. Ни один контракт не клеился, везде косяки сплошные, проблемы с налоговой, долги, банкротство и так далее. Потом проблемы со здоровьем. И, наконец, авария. Я упустил одну деталь, когда рассказывал тебе о ней. Рус, тебе снились какие-нибудь необычные сны в последнее время?

Руслан, подумав, пожал плечами. Сны ему снились нечасто и в большинстве своем тут же забывались. По крайней мере, ничего особенного он припомнить не мог.

– Она снилась мне за день до катастрофы, – сказал медленно Вадим. – Эта девушка, Инга. И я наврал тебе, что батя налетел на люк. За рулем был я. И я вывернул руль, чтобы не врезаться в НЕЕ.

– Что?! – обалдело уставился на друга Руслан. – В кого?

– Что слышал, – зло сказал Вадим. – Она появилась неожиданно, как ведьма, снова во всем черном, я дал по тормозам, и мы перевернулись. Когда я выполз из машины, ее и след пропал.

Руслан боялся пошевелиться, настолько он был оглушен тем, что только сейчас услышал.

– С тех пор сны стали постоянными. Мне казалось, что я уже не отличаю реальность от сновидений, я постоянно пил таблетки, я боялся прилечь хоть на минуту, потому что в следующую минуту приходила эта страшная женщина без лица, молча подходила к моей кровати и смотрела на меня, смотрела, смотрела...

Голос Вадима сорвался, теперь слезы бежали по его дряблему лицу не переставая.

– Так что с твоей семьей? – как можно мягче напомнил Руслан, и Вадим на мгновение замешкался.

– Она сгорела, – сказал он, глядя в сторону. – Вместе с дачей, они сгорели дотла. Неисправная электрика.

– Соболезную, – выдавил из себя Руслан, но Вадим сделал безразличный жест рукой и продолжил:

– Я не находил себе места. В каждой женщине в темной одежде я видел Ингу. И когда у меня нашли рак, я принял решение. У меня еще оставалось немного денег, кое-какие связи, и я поехал в Горячий Ключ. Я хотел найти кого-то из вас, но ты уже давно жил в Штатах, Серый к тому времени сидел в тюрьме, и я разыскал только Клепу. Ты помнишь их? Кстати, Клепа сейчас в местной ментовке начальником работает. Смешно, правда? Клепа – и начальник милиции. Дмитрий Егорович, с брюхом до колен. Но он даже не захотел меня слушать, решил, что у меня крыша поехала. И тогда я пошел сам. Я искал этот чертов дом почти неделю, ты не поверишь. Похудел на десять килограммов, высох, как щепка, но продолжал искать. И я нашел его, Рус, потому что где-то внутри чувствовал, что корни моих бед нужно искать там.

– И... что ты там нашел? – Голос Руслана задрожал.

– Ничего, у меня вообще сложилось впечатление, что этот дом будто законсервировали с тех пор, как мы там побывали. Все было так, как в тот проклятый вечер. На полу валялся топор и нож, на них даже осталась засохшая кровь. Весь пол тоже в черной крови. Но внутри никого не было!

– Может, этого э-э... Агейко похоронили? – предположил Руслан, но Вадим покачал головой:

– Я все узнал. Клепа, слава богу, согласился помочь хоть в этом. Агейко не хоронили. И никого похожего на него вообще никто не видел. Он словно испарился вместе со своей страшной дочерью.

– С чего ты вообще взял, что это Агейко? – осведомился Руслан, налив себе в чашку сок. Он не верил, что тот заросший мужик некогда был преуспевающим бизнесменом.

– В доме я нашел кое-какие документы, – ответил Вадим с такой уверенностью, будто сомневаться в его словах мог только полный кретин. – А его биографию узнать было делом техники – Интернет, нужные связи, слухи и так далее.

Руслан скептически оглядел Вадима с ног до головы. Не вязался как-то Интернет с внешним обликом его друга.

– Еще одна деталь. По официальной версии, он исчез без вести, Рус. Он и его дочь. Кстати, тогда она была совершенно иной. Бог мой, я не поверил, когда увидел ее фотографию, там, в доме! Она была красивой, как ангел! А ее лицо! Чистое, невинное, будто роза! Не могу

представить, что случилось потом с ее лицом. Кстати, это ее фото ты держал в руках только сейчас.

Руслан недоверчиво перевел взгляд на карточку. Нет, не может быть, чтобы этот счастливый ребенок потом превратился в то кошмарное создание!

– Но самое главное впереди, – после паузы продолжил Вадим. – Я обошел дом и наткнулся на огромную сумку, Рус. Она была закрыта, и я, естественно, посмотрел, что там внутри. Там был труп какого-то мужика, вот так. А через минуту я увидел в лесу фигуру, она шаталась и шла прямо к дому! Никогда в жизни я не бегал так быстро, Рус!

Вадим перевел дыхание и с надеждой посмотрел на Руслана:

– Я снова пошел к Клепе, но он только поржал надо мной и посоветовал подлечить мозги.

– Ладно, допустим, ты прав, – Руслан вытянул ноги, стараясь не сломать стул. – И к каким выводам ты пришел?

– Я много думал. И меня посетила одна простая мысль – что случилось с семьей Агейко? В смысле, не что, а почему? За что ему достались все эти напасти? Ведь фактически я повторяю его судьбу.

Вадим вдруг замолчал. Он перестал ходить, остановившись перед старым сервантом, обшарпанным, с облезлым лаком и без стекол. Внутри была расставлена какая-то мелочь вроде пыльных фарфоровых фигурок, но внимание Вадима было приковано к невзрачной кукле.

– Это единственное, что осталось в память от Олеси, моей дочки, – прошептал он и смахнул слезу.

Руслан мельком взглянул на куклу. Старомодная дешевка, к тому же в неряшливой одежде, лицо в каких-то разводах. Кудрявые волосы, которые, очевидно, в незапамятные времена были светлыми, теперь повисли серой паклей и лоснились, кончики пальцев были тоже черны от грязи. На одной руке что-то вроде браслетика с блестящей побрякушкой. Кукла сидела таким образом, что задралось ее платье, и Руслан поймал себя на мысли, что его взгляд непроизвольно задержался на ее трусиках. Он торопливо отвернулся. Он не знал почему, но у него возникло не слишком приятное чувство – эта кукла словно исподтишка разглядывала его своими синими глазами сквозь пластмассовые ресницы.

– Она очень любила ее, – нежно говорил тем временем Вадим.

– Вадик, пожалуй, я пойду, – сказал Руслан, и Вадим повернулся к нему. Он был поражен, увидев, как переменялось лицо мужчины – оно было почти счастливым. В уголках глаз дрожали слезы.

– Не правда ли, она прекрасна? – произнес он. – Посмотри, какое на ней красивое платье, какие блески, – хрипло бубнил Вадим, поглаживая куклу по голове. – А эта прическа... у моей Олеськи была такая же прическа, когда она погибла. А эти туфельки!

У Руслана отвисла челюсть. Точно, Вадик съехал с катушек. Какие блески, какие туфельки? Он что, ослеп? Ничего этого на кукле не было, ни блесков, ни туфелек, но Вадим выглядел так, словно истово верил в свои слова.

– Она похожа на мою дочь. Скажи, что она красива! – настаивал Вадим.

– Нет, – без обиняков заявил Рус. К черту это воспитание и этикет. К черту эту квартиру, он и так засиделся здесь. – Она отвратительна. Я бы на твоём месте выбросил эту пакость. Чем больше ты будешь смотреть на нее, тем дольше будешь страдать о потере близких...

И тут Вадим сделал то, чего Руслан меньше всего ожидал, – попытался ударить его. Руслан без труда перехватил кисть друга, чуть сжал ее, их взгляды встретились. Покраснев, Руслан отпустил Вадима. Тот, отступив назад, потер запястье и с ненавистью поглядел на друга детства.

– Мы все виновны. И наши шрамы – тому доказательство, – прошипел он. – Но почему-то только я тяну за вас лямку. Я потерял все. И все из-за твоего е...го мальчишника. Посмотри на меня, мне ведь прямая дорога на свалку! Работы у меня нет, жилья, скорее всего, тоже скоро

не будет – отселят за неуплату. Друзей тоже нет – все шугаются от меня как от прокаженного. Но ничего. Подождите – придет и ваше время. Просто я был первым тогда, первым и расплачиваюсь.

– Бога ради, Вадим, ты о чем?! – закричал Руслан, уже не владея собой. – Ты болен, тебе нужно в больницу, у тебя проблемы с психикой!

– Она жива, Рус, – зловеще проговорил Вадим, сверля Руслана взглядом. Тот поежился – это было все равно, что пялиться в бойницы, из которых веет смертью. Теперь перед ним стоял не его друг, а некое существо, злой гоблин с искаженным лицом и дикими глазами.

К изумлению Руслана, Вадим стал баюкать куклу, прижав ее к своей костлявой груди как самое драгоценное в своей жизни. Побрякушка на грязной руке куклы тихо позвякивала.

– Эта стерва без рожи жива, точно тебе говорю, – скрипучим голосом проговорил он. – Может, ее папаня и отдал концы, не знаю, но Инга точно еще на белом свете. И она жаждет мести.

– Ты сошел с ума, – решительно сказал Руслан. – Я ухожу.

– Она жаждет мести, – с каким-то неизъяснимым удовольствием подтвердил Вадим, будто упиваясь звуком собственного голоса. Глаза его недобро искрились. Он приблизился к застывшему Руслану, тот инстинктивно отодвинулся назад, будто бы Вадим и эта грязная кукла были заразными. Вадим засмеялся, обнажая щербатый рот, и этот глухой, безрадостный смех только усилил тревогу Руслана. В этот момент он отчетливо почувствовал исходящее от Вадима зловоние, какая-то безумная смесь тухлого мяса с канализационными отходами.

Он выскочил в прихожую, Вадим зашаркал вслед, продолжая укачивать куклу, словно она была живая, напевая ей какую-то колыбельную песенку. Пока Руслан предпринимал отчаянные попытки открыть расшатавшийся дверной замок, он снисходительно наблюдал за ним.

– Она доберется до вас, – прокаркал он, видя, что Руслан наконец справился с замком.

– Счастливо оставаться, – бросил Руслан, выскакивая на лестницу.

Вадим посмотрел на куклу. Она улыбнулась ему пластмассовыми губами с полустершейся краской. Иссушенные губы Вадима, сами того не замечая, тоже раздвинулись в счастливой улыбке.

Руслан уже был на полпути домой, как вспомнил о непростительной халатности – там, в квартире Вадима, он забыл свой мобильный телефон. Вот растяпа! Он был готов рвать на себе волосы. Ему не был дорог сам телефон, но в записной книжке были координаты важных персон, которые он не знал на память, и эти самые персоны могли позвонить ему в любую минуту!

Он уговорил таксиста вернуться. Бегом взбежав на нужный этаж, он заколотил в дверь. Ему долго не открывали, и Руслан уже подумывал, не вынести ли дверь плечом, как внутри звякнул замок, и сквозь щель просунулось бледное лицо Вадима.

– Чего тебе? – недружелюбно спросил он, словно его отвлекали от чрезвычайно важного дела.

Руслан объяснил, и Вадим пошел за мобильником. Дверь немного приоткрылась, и Руслан снова почувствовал, как его окатывает смрад давно не проветриваемого помещения.

– На, – сказал Вадим, чуть ли не швыряя телефон в лицо Руслану.

– Спасибо, – пробормотал мужчина, не отрывая взгляда от Вадима, – весь низ его рубашки был заляпан чем-то ярко-красным.

– Ты что, порезался? – спросил он.

– Нет, сок томатный пролил, – раздраженно буркнул Вадим, захлопывая перед носом друга хлипкую дверь. Руслан задумчиво зашагал вниз по ступенькам.

* * *

Никакого разбирательства по факту самоубийства Рулика не было. К вечеру следующего дня (то есть почти через двое суток!) приехал какой-то сонный, постоянно зевающий мент, без интереса осмотрел решетку, кусок пододеяльника, из которого покойный Рулик соорудил петлю, смачно выматерился, достал из папки мятый протокол, что-то начеркал, заставил внизу расписаться двух санитаров (надо полагать, как понятых) и укатил прочь.

Никто бесстрастно наблюдал за этой дурацкой суетой. Все шло своим чередом: утром процедуры, уколы, таблетки, у кого-то приступ, Груша снова раскровил себе нос, солнце вставало и садилось, уступая место луне, и так все сначала по кругу. Последние дни Никто приходилось быть еще более осторожным – ему очень не нравилось, как на него поглядывает один медбрат. Ни для кого не было загадкой, что работающие в психушках люди не отличаются сентиментальностью и души их огрубевшие, как конские копыта, но Резо был самым жестоким. Огромный, под два метра ростом, он имел такой густой волосистой покров, что ему позавидовал бы снежный человек. Волосы росли отовсюду – на лице, на шее, на груди, из ушей, из ноздрей и даже у самых оснований ногтей. Никто не удивился бы, если бы Резо открыл рот, и оттуда показался бы мохнатый язык.

Он и раньше частенько задевал Никто, в основном из-за его клички – в больницу Никто привезли без каких-либо документов, и все потуги, направленные на установление его личности, ничего не принесли. Ему предлагали написать про себя на бумаге, но он только просто душно улыбался, показывая крепкие желтые зубы, слишком крепкие для старика, и обескураженно качал головой, давая понять, что не имеет представления, чего от него добиваются. Он словно материализовался из дыма, человек без имени и прошлого. Правда, были у него и особые приметы – на правой ступне отсутствовало два пальца, несколько глубоких шрамов на костлявом теле, но это не прояснило ситуации для эскулапов. В графе «Ф.И.О.» врачом было в сердцах написано «Иванов Петр Петрович». Самое смешное, что никто к нему так не обращался, и все по привычке продолжали его называть Никто. Только не Резо. Эта заросшая двухметровая горилла обращалась к нему по-всякому, и наименее обидное обращение было «дерьмо». Что ж, дерьмо так дерьмо, пожимал плечами Никто. Как поется, называйте хоть горшком, только срать не садитесь.

Вот и сегодня после завтрака Резо поймал его на прогулке, сильно схватил его за предплечье и, заглядывая своими бешеными глазами в лицо Никто, приторно-сладким голосом спросил:

– Что тебе известно о смерти Рулика? Он что-то говорил перед тем, как сложнуть?

Никто попытался вырваться, выдавив из себя вымученную улыбку праведника, но хватка у Резо была крепче тисков.

– Что, язык в задницу уполз?

Никто отчаянно замотал головой.

Резо презрительно фыркнул:

– Ты мне только мухомора здесь не включай. Я не верю, что ты глухонемой, понял, старая плесень?

Никто смиренно молчал, терпеливо ожидая, когда медбрату надоест издеваться и он оставит его в покое. Но Резо, вероятно, было нечем заняться, и он не намеревался просто так отпускать от себя старика и лишать себя удовольствия.

– Твоя кровать стоит ближе всего к окну, – рассуждал он. – И ты меня хочешь убедить, что ничего не слышал и не видел, – так я должен тебя понимать?

Никто с прискорбным видом кивнул, стараясь, чтобы кивок вышел как можно убедительнее.

– Че ты мне тут башкой своей качаешь? – оскалился Резо, и его пальцы впились в руку Никто. Тот заскрипел зубами – боль становилась невыносимой. Лишь бы он только не сломал ее, молился про себя старик. Резо, поняв, что причиняет пациенту боль, злобно ухмыльнулся:

– Что, боишься за свою руку? А, понимаю, если я тебе сломаю, как же ты будешь теревить свой стручок?! Что ж, – с глубокомысленным видом произнес он, – придется тренироваться левой. Или я не прав? Насчет дочки? Вот коллеги мне говорят, что ты уже старый и кончить вряд ли сможешь, но мне почему-то кажется, что в твоей обвислой заднице еще есть немного пороха. Вот только у меня один вопрос. И не смей трясти своей идиотской башкой!

Он вплотную приблизил к Никто свое лицо, неся с собой затхлый перегар.

– Я сегодня утром внимательно осмотрел батарею в вашей комнате, старик. Врубаетесь? Там, где ты просиживаешь сутками. И заметил одну интересную деталь – с правой стороны имеется небольшой участок, и он прямо блестит! Сечешь, старый пердун? Батарея ржавая, а в этом месте по ней словно напильником прошлись! Интересно, как это получилось?

Налитые кровью глаза Резо буравили Никто, и тому стоило неземных усилий ничем не выдать панику, охватившую его после этой фразы. Значит, Резо уже подозревает его. Плохо, очень плохо.

Он бесшумно зашевелил губами, потом закашлялся (нужно заметить, весьма натурально) и, сделав страдальческое лицо, показал на руку, в которую вцепился санитар.

– Я сейчас обыщу тебя, – сказал нежно Резо, словно признавался ему в своих симпатиях, после чего, пыхтя и ругаясь, ощупал Никто с ног до головы. Ничего не обнаружив, он, красный от злости, потребовал, чтобы Никто снял тапочки, и долго вертел их по очереди, разве что не приносиваясь.

– Я все равно не верю тебе, – заключил Резо, швыряя тапочки на землю. Он достал из нагрудного кармана пачку сигарет, ногтем выбил одну и неторопливо прикурил.

– Пошел отсюда, – великодушно разрешил он, затягиваясь. – Но помни, я теперь буду следить за тобой, хитрый пердун. И будь покоен. Если я найду штуку, которую ты там натачиваешь втихомолку, я затолкаю ее тебе в задницу вместе с твоими яйцами в придачу. Иди, меня тошнит от тебя.

«Меня тоже от тебя. Хоть в чем-то мы сходимся во мнениях», – подумал Никто. Он одарил на прощание Резо заискивающей улыбкой и заторопился прочь. Они оба пока не знали, что Резо осталось жить меньше пяти часов.

* * *

Лишь только в отеле, приняв контрастный душ и выпив две чашки кофе, Руслан немного пришел в себя. Визит к закадычному другу казался каким-то ночным кошмаром, вполне претендующим на рассказ и даже на экранизацию в стиле триллера. Его друг (уже точно бывший) превратился в свихнувшегося старика, алкоголика, преследуемого навязчивыми идеями. Может, все дело в его болезни? *Рак желудка*, с пустой безнадежностью сказал Вадим. Как это зловеще звучит: рак желудка. Руслан помимо своей воли представил себе сжираемый мертвыми клетками несчастный желудок Антона, и ему стало дурно. А этот смрад! У него изо рта воняло, как stinky ass-hole!⁸

Он посмотрел на шрам на своей ладони. Черт, а ведь они действительно тогда дали клятву! Его передернуло, когда он вспомнил ту жуткую ночь в старом доме. Но ведь с тех пор прошло почти двадцать лет! Конечно, жаль Вадима, но у него явно не все в порядке с головой. Руслан был уверен, что ни Инги, ни ее отца давно уж нет в живых.

Без интереса посмотрев вечерние новости, он мгновенно уснул.

⁸ Ругательное название ягодич (англ.).

* * *

Вадим позвонил ему вечером, когда Руслан разбирал бумаги и собирался идти на ужин. И когда мобильный телефон весело затренькал, он вздрогнул – каким-то шестым чувством он понял, что разговор с Вадимом не завершен. На этот раз голос бывшего сокурсника звучал как выработавшая свой ресурс бензопила, которая вот-вот взорвется от напряжения, и половину слов Руслан, как ни напрягал слух, вообще не понял. Единственное, что он разобрал, это что Вадим вновь настаивает на встрече.

– Вадик, если ты собираешься рассказать мне очередную сказку, ничего не выйдет, – прокричал в трубку Руслан.

– При... жай, – слабо донеслось из трубки.

– Нет, я очень занят, извини. Если можешь, я встречу тебя у гостиницы, «Идальго», знаешь?

В трубке долго молчали, потом Руслан услышал, как Вадим с кем-то ругается, ему огрызнулись в ответ.

– Я приеду, – сказал он задыхающимся голосом. – Только это последний звонок. И если... не выйдешь...

– Через час я буду ждать тебя у ворот, – четко и отдельно произнес Руслан и отключил телефон. Посмотрел на кипу документов и вздохнул. Право, эта командировка войдет в список самых неординарных в его жизни.

Он вышел на улицу через час пятнадцать, нарочно опоздав, втайне мечтая, что Вадим покрутится здесь и уйдет восвояси, хотя и понимал, что поступает не совсем хорошо. Пусть Вадик так опустил, но в свое время их многое связывало.

На улице было пусто, небо темнело и набухало, как мокрая губка, что указывало на предстоящий дождь. Жаль, он не взял зонта.

К черту. Нужно быть последним stupid,⁹ чтобы после вчерашнего снова согласиться на встречу. Сейчас он развернется, откроет эту массивную дверь, поднимется к себе в номер, выпьет стакан вишневого сока, включит те...

– Рус!

Вадим, как больной призрак, стоял возле шлагбаума, у въезда на территорию гостиницы.

С огромной неохотой Руслан спустился по ступенькам и направился к нескладной фигуре. В небе уже чертили зигзаги обжигающе-голубоватой молнии.

Швейцар с удивлением смотрел, как Руслан в своем безупречном костюме шел к какому-то зачуханному бродяге.

– Ну, говори, – потребовал Руслан и вдруг остолбенел, увидев, что Вадим пришел без обуви – на его ногах были только носки, и он часто переступал от холода.

– Ты почему босиком?! Сейчас дождь польет!

– Нет у меня обуви, Рус, поэтому я тебя к себе звал... но дело не в этом, – Вадим потянул за рукав Руслана. – Ты должен выслушать...

– Так, не тяни, – грубо сказал Руслан, вырывая руку. Интересно, видно ли его из окон гостиницы? Он очень хотел верить, что нет, иначе потом разговоров за спиной не оберешься.

– Я... хочу, чтобы ты пошел со мной домой, – умоляюще сказал Вадим. – И я все расскажу тебе.

Лицо Руслана исказила гримаса.

⁹ Идиот, дурак (англ.).

– Извини, Вадик, но твоя квартира не располагает к уютной компании, – не стал лукавить Рус. – К тому же у меня много дел. Как-нибудь в другой раз.

Он развернулся и быстрым шагом пошел по дорожке, ведущей к центральному входу. Вадим дернулся было последовать за ним, но резкий окрик бдительного охранника – и он замер в нерешительности. Однако и сдаваться не намеревался – пытаюсь поспеть за Русланом, он мелко засеменял вдоль высокого забора.

– Постой, Рус, пожалуйста. Я... не все рассказал тебе, – задыхаясь и кашляя, выдал из себя он, и Руслан остановился. С неба упали первые крупные капли. Где-то вдалеке пророкотал раскат грома.

– Говори здесь, домой к тебе я не пойду. Ну же, я слушаю, – раздраженно поторопил Рус.

– Моя дочь... она жива, – Вадим говорил скороговоркой, будто Руслан не дослушает его до конца и уйдет в гостиницу. – Она жива, но и человеком ее назвать нельзя.

Услышав последнюю фразу, Руслан окончательно убедился, что Вадим сошел с ума.

– Что значит – «нельзя назвать человеком»? – полупрезрительно-полунастороженно спросил он. – Что ты имеешь в виду?

– Олесья... – сказал Вадим, и слезы заструились по его рыхлому лицу.

– Что – Олесья?! Ты можешь толком сказать, что происходит?! – вышел из себя Руслан. Внезапно лицо Вадима изменилось – из униженно-плаксивого оно превратилось в жестокую маску с опасно вспыхнувшими глазами. Он с удивительной быстротой просунул руки сквозь прутья забора и вцепился в Руслана.

– Послушай меня, наконец, ублюдок расфуфыренный. Я неспроста звонил тебе, потому что боялся, что с тобой происходит то же самое. Но ты как огурчик, и я не стал тебе рассказывать всего вчера.

– От... пусти, – хрипло выговорил Руслан, пытаюсь вырваться из объятий Вадима, но тот держал его мертвой хваткой.

– Ты будешь слушать меня? – рявкнул Вадим.

– Да, черт бы тебя подрал! – заорал Руслан, и его крик слился с оглушающим раскатом грома. Из будки выглянул охранник и встревоженно смотрел на странную пару, которая общалась через решетку столь своеобразным способом.

– Моя семья не сгорела, я соврал тебе. Но лучше бы она сгорела, клянусь, – свистящим голосом начал говорить Вадим. – С Олесей стало происходить что-то нехорошее сразу после того, как я вернулся из Горячего Ключа, когда был в том доме, помнишь? Ей становилось хуже с каждым днем. Она начала грызть ногти, жаловалась, что они чешутся, те чернели, а потом просто отваливались.

Внезапно на них обрушился целый ливень, ледяные капли с силой замолотили по незащищенным участкам кожи.

– Они просто отваливались. Мы перестали выпускать ее на улицу. Она говорила, что у нее ничего не болело, только все чесалось... Затем она стала лысеть. Мы с женой были в шоке и не могли понять, что происходит. Олесью положили в больницу, но никто не мог определить причину. К тому времени, пока ей делали долбанные анализы, у нее полностью выпали зубы. Но на этом все не закончилось, Рус...

Голос Вадима потонул в новом, куда более громком раскате грома, и некоторое время он просто беззвучно шевелил губами, не сводя с насмерть перепуганного Руслана своих жгучих глаз.

– ... на кухне. Я уже не верил врачам. К кому только не обращались, все бесполезно... Ее руки и ноги истончались с каждым днем, как тает сосулька на солнце – сначала пальцы, слипаясь в какой-то отросток, они постепенно превращались в бесцветные нити, потом просто исчезли, затем сами руки и ноги. Ее бедные ножки... Они становились тоньше и меньше, словно сохали, понимаешь? А потом просто исчезли. Ты слушаешь меня, Рус?!

Да, Руслан слушал, не в силах даже пошевелиться от ужаса. Под ногами Вадима образовались глубокие лужи, но он словно не замечал холодной воды и даже перестал переминаясь.

– Ее шея стала длинной, и тело тоже вытянулось, как кокон. Она перестала говорить – язык тоже отвалился. Зато потом вылезли новые зубы – острые, кривые, как у щуки. Сечешь, Рус? Она превратилась в гигантскую гусеницу или червя! Только тело у нее стало дряблым, мешковатым. Я никому этого не рассказывал. Я никого не пускаю к ней. Ее глаза сместились на голову, а на лице, если это, конечно, можно назвать лицом, остался только рот, вернее, пасть. А вчера у нее провалился нос. Чтобы она не сбежала, я посадил ее на цепь. Тогда я тебе сказал, что это собака, но это была моя дочь...

– Я не верю тебе, – с трудом проговорил Рус.

– Я не договорил!! – завизжал Вадим. – Ты обещал выслушать! Не веришь? Пошли со мной, трус! Слабо?!

Руслан в ужасе смотрел на трясущееся за железным забором существо.

– Она убила Андрюшку, нашего сына, – шептал Вадим, раскачиваясь взад-вперед как в трансе. – Загрызла до смерти, объела все лицо. У нас тогда действительно была собака, овчарка. Я убил ее, вымазал морду кровью Андрея и вызвал милицию. Те поверили, что это она загрызла моего сына. А Олесю я спрятал на балконе. Ты понимаешь? Ей было нужно мясо! Сырое мясо!

Этого Руслан уже вынести не мог.

– Shut up!¹⁰ Ты псих!! – закричал он, пятясь назад. Вадим снова ухватился за него. Пытаясь освободиться от хватки, Руслан несколько раз сильно дернулся назад, и Вадим по инерции впечатался лбом в металлические прутья забора. Он охнул, но скорее от удивления, чем от боли, и пальцы разжались, выпуская Руслана на свободу. Вадим бессильно опустился прямо в лужу, лоб был в крови, которую непрекращающийся ливень быстро обесцвечивал.

– Если ты еще раз появишься, я позвоню в полицию! – крикнул Руслан, переводя дыхание. К нему уже несся охранник, но Руслан знаком дал понять, что ситуация под контролем. Пока под контролем.

– Я боюсь, что скоро все вскроется, – сипло произнес Вадим и зарыдал. Он рыдал, обхватив виски руками. – Сначала я кормил ее бродячими кошками и собаками. Но дело зашло слишком далеко. Она умрет без мяса. А в тюрьме я не проживу и дня. Слышишь?

Руслан провел рукой по волосам, пытаясь собраться с мыслями. Может, действительно стоит вызвать полицейского, то есть, тьфу, милиционера?! Он ведь не отвяжется от него, это очевидно.

– Рус, ее нужно найти. Ингу. Мы совершили грех, и время расплаты пришло, – голос у Вадима был плавающий, словно внутри его кто-то беспорядочно регулировал настройки. – Свяжись с Клепой, найди ее...

Он что-то еще сказал, но Руслан уже не слышал – он повернулся и побежал к спасительным ступенькам гостиницы.

Охранник что-то зло прокричал Вадиму, сидящему в холодной луже. Только когда он достал дубинку и угрожающе замахнулся, тот медленно поднялся на ноги и, спотыкаясь, побрел прочь, и скоро его сторбленная фигура скрылась в серой пелене.

* * *

Сон не шел. Руслан выпил снотворное, поприседал, сделал кое-какие дыхательные упражнения, способствующие релаксации, но все без толку. Как только он закрывал глаза, в голову снова и снова лезли мысли о последней встрече с Вадимом, его горящие безумством глаза и этот бред про дочь.

¹⁰ Заткнись (англ.).

Как он сказал? Отвалились руки и ноги? Чушь собачья! Bull shit¹¹ – вот как это называется! Бред сумасшедшего, нонсенс, белиберда, дырка от жопы! Олеся превратилась в червяка? Да он сам сошел с ума, позволяя Вадиму лить себе в уши эту ахинею!

Он ворочался на кровати, беззвучно шевеля губами. Скорее бы домой! Но до вылета в США еще три дня.

(...держу ее на кухне... посадил на цепь...)

Он уснул почти под утро, и буквально за несколько секунд до пробуждения ему приснился сон. Словно к нему в номер вместо горничной притащился Вадим, на нем был окровавленный фартук, как у мясника, и здоровенный тесак в руке. Шамкая, он рассказывает, что у него закончились запасы и он просит пойти к нему домой. Руслан отнекивается, но Вадим настойчив, он загадочно ухмыляется беззубым ртом с розовыми, как у младенца, деснами. От запачканного кровью фартука несет бойней, Руслан пытается бежать, но спотыкается и падает, слыша позади учащенное дыхание Вадима, вокруг все темнеет, и он начинает кричать.

Проснувшись, он прошлепал в ванную и взглянул в зеркало. Отвратительно. Опухшая, небритая, с темными кругами под глазами. Мистер, с таким face¹² не то что идти на семинар, стыдно даже на улицу выйти.

Без особого удовольствия выпив крепкого кофе, Руслан уже точно знал – на семинар он сегодня не пойдет. Но и в бар он не спешил. История Вадима занозой засела глубоко в его мозгу.

После завтрака он позвонил Жене. Она была дома и несказанно обрадовалась, услышав его голос.

– Мы очень скучаем с Кристи, – сказала она, когда они обменялись «пуськи-мапуськи, я тебя люблю, я тоже...» – Что тебе приготовить к приезду?

– Что-нибудь. Полагаюсь на твой вкус, – глядя на свое отражение в зеркале, сказал Руслан. Он высунул язык и подмигнул. Как ни странно, это его развеселило.

¹¹ Дословно: бычье дерьмо (англ.).

¹² Лицо (англ.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.